

# Дом Затмений

**Автор:**

[Кейси Л. Бонд](#)

Дом Затмений

Кейси Л. Бонд

Young Adult. Королевства света и тьмы #1

Нур – нежеланная и нелюбимая младшая дочь в семье жестокого правителя солнечного царства. Ребенок единственной женщины, которая разбила королю сердце. С тех пор его неуголимая ненависть обрушилась на Нур.

Надежда на спасение от тирании отца приходит вместе с письмом правителя лунного королевства Келума. Одна из принцесс должна выйти за него замуж для заключения перемирия. Для короля дети – лишь пешки в игре по захвату власти. Его цель – корона лунного света, дающая владельцу безграничное могущество.

Но у Нур свои планы на корону. С такой силой в руках она сможет наконец свергнуть своего деспотичного отца.

Постепенно девушка все больше сближается с Келумом. И теперь положить конец правлению тирана становится еще сложнее.

Сможет ли Нур победить безжалостного владыку и увидеть, как в королевстве наступит новый рассвет?

Кейси Л. Бонд

Дом Затмений

Плени его сердце.

Укради его корону.

Мелиссе Стивенс,

яркому, прекрасному лучику в книжном сообществе,

источнику вдохновения и дорогому другу.

© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Вспыльчивый нрав отца был таким же жестоким и постоянным, как никогда не заходящее солнце и его кипящая ненависть ко мне, его третьему ребенку и дочери единственной женщины, что превратила его сердце в пепел.

Его темные глаза горели гневом, когда он стоял передо мной, дрожа от злости. Я задавалась вопросом, видел ли он нечто большее, чем черты моей матери, когда смотрел мне в лицо. Видел ли он также ее непокорность?

Мне надоело наблюдать, как даже жрецы относятся к нему со страхом и большим уважением. Убийца.

Ярость взяла над ним верх.

Его лицо покрылось пятнами, губы задрожали, и он ударил меня. Громкий треск испугал кротких жрецов, когда ладонь моего отца соприкоснулась с моими губами.

Их песнопения затихли на несколько ударов сердца, пока страх не заставил их продолжить. Они в унисон позвысили голоса, распевая особенно приятный гимн в честь Сол. Убеждая ее обратить свой взор и свою великую, пылающую силу на нас. Когда жгучая боль пронзила мои рот и нос, я задалась вопросом, что Сол на самом деле думает о своем Атоне, стыдится ли она его действий или наслаждается моим унижением так же, как и он.

Слезы подступили к моим глазам, но я крепко зажмурилась и запретила себе плакать, умоляя Сол превратить их в пар, прежде чем они смогут пролиться. Отец же ждал, мечтая увидеть, что сильнее: боль, которую он причинил, или моя воля.

Моя воля всегда будет побеждать в наших битвах, и однажды – однажды – я поклялась выиграть войну, бушующую между нами.

Борясь с желанием сжать губы, чтобы оценить ущерб, я не двинулась с места. Непокколебимая, как сама Сол. Подобно богине, я тоже горела.

Расправив плечи, выпрямив спину, как стрела, я повернулась к нему лицом. Даже когда вкус крови наполнил мой рот, а красный ручеек медленно скатился по моему подбородку, пролившись на горячий камень между моими босыми ногами, я и глазом не моргнула. Не отвела взгляд. Не преклонилась.

– Ты так похожа на нее, – прошипел отец. – И если я добыю своего, ты разделишь ее судьбу.

Он снова поднял руку, как будто хотел ударить меня во второй раз. На этот раз я приготовилась не только морально, но и физически, превратив каждый мускул своего тела, даже те, что на моем лице, в камень. Подобно великой статуе Сол, возвышающейся рядом с нами. Ее огромные руки простирались к шару света, что согревал нас и давал жизнь нашему народу. В этом шаре было достаточно мощи, чтобы отбрасывать лишь самые маленькие тени у ее основания.

Все во мне кричало дать отпор, наконец-то защититься, но я знала: если ударю Атона, если хотя бы остановлю его нападение, даже жрецы Сол не смогут меня спасти. Их песнопения прольются на мое тело, лежащее на алтаре сожжения рядом с Джобой.

Джоба – восьмая жена отца – лежала на спине на плите из блестящего мрамора. Мертвая, как и те семеро, что были до нее. Как и моя мать.

Она лежала немного дальше, прямо позади отца. Я достаточно изучила ее за те часы, что прошли с момента ее ухода из этой жизни, чтобы точно знать, как она выглядела.

Песня жрецов была прекрасной и безмятежной. Они продолжали исполнять свой долг, изо всех сил стараясь игнорировать или, возможно, рассеять то, что происходило между Атоном и его дочерью. Семь голосов вытягивали душу Джобы из ее телесного дома, из костей женщины, потому что послеполуденное солнце покрывало волдырями ее некогда прекрасную кожу.

Я подумала, могла ли она смотреться в зеркало, ведь именно ее красота привлекла внимание Атона. Мне было интересно, парила ли ее душа над нами, наслаждаясь тем фактом, что ее прекрасное лицо изуродовано.

После смерти Джоба выглядела более умиротворенной, чем я когда-либо видела ее при жизни. Длинные темные ресницы касались ее щек. Шелковистые черные волосы блестели на подушке, подложенной под голову. Один из жрецов изящно сложил ее руки на животе.

Она была примерно моего возраста, когда ее вырвали из того, что обещало быть прекрасной жизнью, и заставили жить так, как она ненавидела. В то время она была помолвлена с мужчиной, которого любила и который любил ее в ответ. Моего отца пригласили присутствовать на церемонии обручения. Он бросил один взгляд на будущую невесту и решил, что она – драгоценность, которую ему не помешало бы поместить в свою сокровищницу. Он обвинил ее в измене, а жениха приказал казнить прямо среди пира и цветов, разложенных в честь счастливых новобрачных. После чего Атон похитил Джобу, будто она уже принадлежала ему.

Когда через год ее чрево осталось бесплодным и она не произвела на свет наследника, о котором он всегда мечтал, Атон нашел жену мертвой в своей постели – точно так же, как до нее находил семь других жен. Даже жрецы не осмеливались расспрашивать Атона об отметинах, украшавших горло его жены.

На каждом из тонких пальцев Джобы было надето замысловатое золотое кольцо, а на ее неподвижной груди громоздилось множество позолоченных ожерелий. Манжета, которую отец заказал для каждой из своих жен, все еще украшала ее предплечье, даже после смерти отмечая женщину как собственность Атона.

Но она больше не принадлежала ему, верно?

Смерть дала Джобе шанс убежать от моего отца. Хотя она и лежала в огне, казалось, что она наслаждается расстоянием между ними, расстоянием, которое не мог преодолеть даже могущественный Атон.

Неужели я вообразила дразнящую ухмылку на ее губах?

Сквозь кровь, капающую из раны, мог ли отец увидеть, что я надела такую же?

Капли собирались вместе, а затем падали с моего подбородка.

Всплеск. Всплеск-всплеск. А потом раздалось шипение пара, когда Сол приняла мою кровь как свою собственную.

Темные глаза отца сузились, прежде чем он медленно опустил руку, как будто все еще обдумывал второй удар или что-то гораздо худшее. Лучи Сол отражались от его бритой головы. Секунду спустя он повернулся ко мне спиной, подошел к Джобе и навис над ней. Он поднял руки высоко в воздух, прежде чем воззвать к Сол. Воздух вибрировал от пульсации сухого, жестокого жара. Отец поднес женщину ближе, так, что изнуряющие лучи сосредоточились на теле Джобы. Кожа, покрытая волдырями, начала пузыриться и кипеть. Следы обугливания появились на ключицах, на острых скулах и челюсти как раз перед тем, как появились первые изящные языки пламени.

Оно медленно танцевало над ней. Ритм песни жрецов изменился, а мужчины начали раскачиваться взад и вперед на коленях. Все семеро зывали к богине, и пламя последовало за торопливым, лихорадочным ритмом. Вскоре ад взревел над Джобой, поглощая ее так же, как и отец. Она стала хрупкой, быстро превратившись всего лишь в невзрачную кучу пепла и осколков костей.

Сол принимала только хорошие стороны человека – его сердце, если оно было чистым, его душу, если она все еще была сделана из света, его плоть и органы, которые давали жизнь телу, если они не были поражены.

Только то, что она сочла неприемлемым, нам предстояло развеивать по песку, из которого она нас сформировала.

Мне было интересно, примет ли ее пламя какую-нибудь часть тела Атона, когда он сам умрет, или мы похороним его целиком. Ведь в нем не осталось ничего чистого.

Я задавалась тем же вопросом и в отношении себя.

Отец не остался, чтобы посмотреть, как жрецы сметают останки Джобы в гладкую золотую урну. Он не собирался быть тем, кто развеет ее прах по дюнам. Его темные глаза встретились с моими, когда он направился к нам, трем своим дочерям.

Зарина, самая старшая, высоко держала голову и всегда молчала в присутствии отца. Атон верил, что Сол выберет ее своей наследницей. Только была ли она вообще частью богини солнца? Я не могла почувствовать от нее и намек на тепло. Зарина была высокой, гибкой и достаточно красивой, но казалось, эта девушка сделана из чистого льда. Такая же холодная, как и отчужденная.

Отец одобрительно кивнул, проходя мимо нее. Затем он, пропустив короткий поклон, что бездумно отвесила старшая дочь, сосредоточился на Ситали, которая стояла между Зариной и мной.

Ситали ненавидела меня почти так же сильно, как я ненавидела ее. Она была на год старше и верила, что моя мать была причиной того, что Атон убил ее мать. Ситали была глупой. Она обвиняла женщин, а не отца в постоянной смерти, что присутствовала в нашей семье.

Ситали не была такой статной, как Зарина, – почти на голову ниже меня и очень худая. Тонкие черты скрывали от большинства людей суровое, жадное сердце. Однако я знала ее лучше остальных. Глаза, темно-карие с оттенками темно-серого и острые, как осколки стекла, часто кричали, даже когда губы оставались закрытыми. Эти глаза были обращены ко мне. Улыбка играла на ее неповрежденных, идеально изогнутых губах.

Отец кивнул Ситали, и она низко поклонилась – ниже, чем требовал обычай. Ситали всегда выходила за рамки. Начиная с подобных случаев, когда она отчаянно пыталась привлечь внимание отца, заканчивая ее бесчисленными попытками убить Зарину и меня.

Всегда за пределами...

Отец остановился передо мной. Мой взгляд упал на ожерелье с воротником из бисера – смесь голубого, зеленого и золотого. Он приподнял мой подбородок, от чего челюсть щелкнула по моему языку. Я перевела взгляд на его лицо.

– Поскольку ты прервала уход Джобы, тебе будет поручено рассеять ее прах, – сказал он, ожидая моей реакции.

И снова моя воля оказалась сильнее его.

Отец вновь посмотрел на меня: мускул дрогнул на его челюсти, тонкая верхняя губа скривилась в отвращении. Он пошел прочь. Двое из старших жрецов с трудом поспевали за его пышущей гневом походкой. Мышцы на плечах и спине Атона вздувались с каждым шагом, а горячий ветер развеивал его плиссированный белый килт в стороны, как будто пытался столкнуть отца с плоской вершины храма. Как бы мне этого хотелось!

Мужчины исчезли из виду, спустившись по большой лестнице, что вела на каменную улицу, к Дому солнца – дворцу, который когда-то был моим домом, безопасным местом, где я была любима и желанна. Теперь же это место стало не чем иным, как тюрьмой.

Зарина тихо удалилась, подняв голову и расправив плечи. Хоть она и последовала за отцом, но благоразумно держалась от него на расстоянии. Ситали наблюдала, как жрецы заканчивают работу, считая то, что осталось от

Джобы, в большую золотую урну. Один из прислужников отца закрыл огромный сосуд крышкой и поднял его, чтобы лучи Сол отразились от ее идеальной полированной поверхности.

– Наслаждайся своим временем в дюнах, сестра, – насмеялась Ситали. – Скоро ты сама присоединишься к песку.

Я сверкнула глазами:

– А как насчет тебя? Когда Сол выберет Зарину, как думаешь, что будет с тобой, Ситали? Тогда ты ему больше не понадобишься.

Она откинула свои длинные темные волосы с плеча и скрестила руки на груди.

– У отца нет причин убивать меня. Я никогда не противлюсь его воли.

– Возможно, так и есть. Возможно, вместо этого он продаст тебя тому, кто больше заплатит.

Она прищурила свои темные глаза. Я была права, и она это знала. Отец не любил своих дочерей. Он никого не любил, кроме себя и власти, которую давала ему должность Атона.

Меня бы не удивило, если бы он убил нас троих только для того, чтобы Сол не выбрала преемника и оставила его у власти. Я верила, что только страх вызвать гнев богини удерживал отца от подобного.

Ситали оставила меня и последовала за Зариной. Их безупречные платья развевались на сильном ветру, пока они спускались по ступеням храма, мощенных камнем, чтобы войти в Дом солнца. Глава отцовской стражи задержался у подножия лестницы. Он пошел в ногу с Ситали, намереваясь проводить моих сестер домой. Он знал, что лучше не ждать, пока я присоединюсь к ним.

Отец сделал вид, что единственная причина, по которой я понесу Джобу в дюны, заключалась в том, что сегодня я заслужила наказание. Однако никто и так не сомневался, кому из дочерей Атона будет поручено отнести Джобу обратно на

песок. В семь лет я унесла в дюны урну с прахом моей матери, а после уносила все остальные. Четвертой, пятой, шестой и седьмой жены отца. Все они были мертвы.

Убиты его руками.

Никто не мог – или, возможно, не хотел – родить ему наследника.

Отец думал, что поручить мне такую жуткую работу было наказанием, но я считала большой привилегией и честью нести пепел и кости женщин, которые ненавидели его. Ибо это нас роднило.

2

Изнуряющая жара, которая давила на нас, медленно спадала. Как только на камне, где лежала Джоба, ничего не осталось и была произнесена тихая молитва Сол, все жрецы, кроме одного, молча удалились в храм, а богиня поднялась выше, возвращаясь к себе на небеса.

Возможно, богиня солнца давала передышку, оставив его в качестве жреца, избранного, чтобы сопроводить меня в дюны.

Киран был моим другом.

Узнай кто-нибудь об этом, даже права и привилегии, связанные с его должностью, не смогли бы спасти парня от отцовского гнева, но Киран отказывался разрывать нашу дружбу только из-за обязательств жреца. А мне не хватало сил отказаться от его доброты и поддержки.

Длинные волосы Кирана были зачесаны назад и аккуратно завязаны на затылке. Он встал, держа в руках тяжелую урну, и терпеливо ждал меня, как сделал бы любой из жрецов. Я направилась к нему, и наши взгляды встретились, но ни один из нас не осмелился заговорить. Не здесь.

Когда Киран посмотрел на мою губу и теперь уже засохшую кровь на моем подбородке, его челюсть сжалась. Кроме этого крошечного намека, ничто не выдавало его чувств. Он оправдывал ожидания других – притворялся доброжелательным, скромным жрецом.

Тем не менее Киран был единственным из служителей, который, как я боялась, однажды обвинит Атона во всех его грехах. День, когда он это сделает, станет для него последним. Я говорила ему об этом много раз. Я бы не смогла прожить эту жизнь без него. Я говорила правду прямо в лицо Кирану, отказываясь что-либо утаивать в те несколько украденных мгновений, когда нам удавалось поговорить. Моменты, которые выпадали все реже по мере того, как мы с сестрами становились старше. С возрастом мои обязанности как Атены и его как жреца продолжали расти, жадно поглощая наше свободное время.

Я взяла тяжелую горячую урну из рук Кирана, заметив волдыри на его ладонях, появившиеся от прикосновения к сосуду. Огонь вредил жрецам, но ненадолго. Киран исцелится еще до того, как мы доберемся до нижней ступеньки. Но Сол не избавила их от временной боли и последствий ее жара. Жрецы были выбраны богиней, но каким образом, я не знала. Было много секретов, которые Киран не мог мне раскрыть, потому что дал клятву Сол.

По центру каждой из четырех стен храма спускалась широкая лестница. Киран последовал за мной вниз по ступеням, противоположным тем, по которым ушла моя семья. Подальше от моего дома. Лестница, по которой мы спустились, не вела ни к каменной дорожке, ни в город. Когда наши ноги оторвались от резного камня, они не нашли ничего, кроме выжженного оранжевого песка, простиравшегося так далеко, что ничего другого просто не было видно. Здесь вздымались дюны, похожие на обугленные волны морей, которые когда-то украшали эти близлежащие земли. Моря, о которых теперь можно было прочитать разве что в больших старинных книгах.

Неужели Сол так ненавидела океаны, что выжгла их, превратив в красные пески, на которых мы построили наш дом?

Я замедлила свой шаг, когда Киран остановился на нижней ступеньке и ловко обернул ноги светлыми полосками ткани. Войди он в дюны босиком, его ноги покрылись бы такими волдырями, что мне пришлось бы нести его обратно на руках. Хотя я и не была слишком хрупкой, мне бы не хватило сил протащить Кирана на то расстояние, которое требовалось, чтобы найти помощь.

Чисто выбритый, с кожей глубокого оливкового оттенка, присущего всем гелиоанцам, он был на несколько дюймов выше меня. Волосы Кирана были обычного темно-каштанового цвета, почти черными. Сосредоточенный на своей задаче, он сжал губы в тонкую линию.

Киран, как и все остальные жрецы, надел золотой килт в честь Сол. Только они не украшали себя так, как это делал отец. Он также настаивал, чтобы мы с сестрами тщательно выбирали наряды. Единственным золотым украшением, которое носил Киран, была манжета на бицепсе, выкованная самой Сол и подаренная ему, когда он принял свои обеты. Отец украл эту идею и стал использовать ее для своих невест. Интересно, значило ли это, что он считал себя таким же важным, как сама богиня солнца?

Я старалась не обращать внимания на то, как изменилось тело Кирана за последний год или около того. То, как он превратился из мальчика в мужчину. На жрецов нельзя было засматриваться. Но даже зная это, осознавая, как это опасно, я на мгновение задумалась, что было бы, если бы Сол не сделала Кирана жрецом и выбрала мою сестру в качестве своего Атона...

Поспешно я прогнала подобные мысли прочь.

Это ничего бы не изменило, – сказала я себе. Киран был сильным, так что, если бы Сол не выбрала его жрецом, парня бы отправили в гвардию и я бы больше никогда его не увидела.

Кроме того, отец мог убить Кирана или использовать его против меня только потому, что мы были друзьями. Что бы он сделал, если бы Киран и я стали чем-то бо?льшим? Оно того не стоило. Мне нужно было поблагодарить Сол за то, что своим поступком она сохранила Кирана в моей жизни, и не желать большего.

Киран выпрямился, довольный тем, как крепко обвязаны его ноги. Мы не разговаривали, пока я вела его. Наши ноги едва оставляли следы на песке, что тонким слоем покрывал основание храма Сол.

Впрочем, вскоре песок сгустился. Ноги глубоко погружались в оранжево-красные песчинки. Мы с трудом пробирались в дюны, взбираясь по их шатким склонам на вершины, где было легче идти.

Их гребни затвердели; нам с Кираном пришлось пробивать ногами дыры в покрытом коркой слое, выжженном поперек вздымающихся песчаных волн.

Ветра, которые разведали одежду моей семьи и килты жрецов, когда те покидали храм, теперь обдували нас.

Когда мы оказались достаточно далеко от храма, полностью поглощенные пустыней, Киран наконец заговорил:

- Ты в порядке?

У меня болела губа.

- Конечно, в порядке.

Чтобы освободить руку, я передвинула урну набок, подпирая ее бедром, и прижала несколько пальцев ко рту, оценивая повреждение.

- Тебе не следовало говорить с ним так смело, - тихо сказал он.

Я пронзила Кирана свирепым взглядом. Он знал, что лучше не винить меня в действиях отца. Сколько раз я говорила ему, что Ситали поступает именно так?

Киран поднял вверх ладони:

- Я его не защищаю, Нур. Я стараюсь защитить тебя или, что более важно, побудить тебя дать ему отпор. Хотел бы я что-нибудь сделать, чтобы избавить тебя от него навсегда, - сокрушался Киран.

Мы оба знали, что с этим ничего нельзя поделать. Я освобожусь от отца, только когда он или я уйдем из этого мира в следующий.

- Сегодня он угрожал убить тебя на глазах у всех. Он никогда не делал подобного раньше. Боюсь, на этот раз ты зашла слишком далеко. - Киран протянул руки, будто хотел освободить меня от тяжести урны, даже если при этом придется обжечь свои ладони. Но я не позволила. В ответ на мое упрямство он закатил глаза.

– Нур, – сказал Киран, уставившись на урну. Он бросил быстрый взгляд на мое лицо. – А что, если он и правда попытается?

– Будь моя жизнь в опасности, я бы точно дала отпор.

Отец тоже знал, что так я и сделаю. Возможно, он надеялся спровоцировать гневную вспышку, чтобы избавиться от меня.

– Тогда у меня не было бы другого выбора, кроме как сражаться вместе с тобой, – решительно сказал Киран, поднимая глаза на Сол, словно извиняясь за правду, сорвавшуюся с его губ. Сол уже знала. Она знала наши сердца, умы и души. Хорошее и плохое.

– Я не хочу, чтобы ты делал это, – сказала я, и правда так думая. – Помни свою клятву, Киран. Ты жрец, и твой долг – служить Сол, а не Атону и уж точно не одному из его наследников. Ты мне ничего не должен.

– Это неправда, – слабо запротестовал Киран, прежде чем закрыть глаза и сделать глубокий вдох.

Когда взгляд парня снова сфокусировался на мне, песчаная буря в его глазах улеглась, и меня захлестнуло облегчение. Их оттенок был таким знакомым. Сол зачерпнула оранжево-красный песок под нашими ногами и просеяла его в глаза Кирана вместе с теплом, что хранилось внутри.

Эти красно-оранжевые маяки светились с той злостью, которую я помнила, но теперь редко видела.

– Поскольку ты все еще жива, я должен сказать, что выражение его лица, когда ты заметила лопнувшие сосуды в глазах Джобы, стоило всего золота Гелиоса.

Я попыталась улыбнуться, но вес этих слов давил на мои плечи.

Сосуды глаз моей матери тоже лопнули. Зрелище, которое преследует меня по сей день. Иногда это было единственное, что я видела, когда закрывала глаза перед сном.

В течение многих лет я задавалась вопросом, почему они так покраснели. Я перестала удивляться, когда узнала, что вызвало такой эффект. Однажды, заболев, я спросила своего целителя, что могло спровоцировать такую реакцию, и он, хоть и неловко, сказал – сосуды часто лопаются, когда у человека прерывается дыхание и повышается давление в голове.

Я спросила его, может ли что-то еще стать причиной подобного, но у целителя не было ответа. Существовал единственный вариант.

И сегодня я сорвалась. Я не могла снова уйти, не намекнув публично на то, что все и так знали. Самое главное – я убедилась, что Сол услышала меня на вершине своего храма, среди своих жрецов, рядом со своим Атоном. Каждое слово, которое я произнесла, было возмездием за каждую секунду, когда отец держал мою мать за горло, не желая отпустить, пока свет не исчез из ее золотых глаз. Глаз, которые были так похожи на мои.

Я хотела, чтобы жрецы знали, что их подозрения верны; человек, которому они кланялись, человек, стоящий перед ними, был недостойн благословения Сол. Я желала, чтобы отец знал – однажды я вырежу пепел, который мама оставила в нем, и закончу то, что она начала, или умру, попытаюсь.

Рано или поздно последнее может оказаться правдой. Отец не позволил бы этому случиться.

Приятное тепло поселилось в моей груди, когда я вспомнила его удивленное, испуганное выражение лица. Киран прав. Это зрелище стоило всего золота Гелиоса.

Я посмотрела на огромный горящий диск над головой и удивилась, почему богиня не сожгла его вместе с Джобой, почему она не наказала отца за убийство других женщин.

Почему?

Возможно, Сол удержала жрецов от того, чтобы лишить его титула и обязанностей Атона. Возможно, богиня восхищалась темной противоположностью ее пламени, манящей тенью, сквозь которую даже она не могла проникнуть. Тенью, царящей в сосуде из костей, где лежало пепельное

сердце отца.

Конечно, отец не имел власти над богиней, которая выбрала его.

Не говоря больше ни слова, я повела Кирана дальше в дюны, к тому месту, куда отнесла всех остальных жен Атона. Когда мы приблизились, ветер стих. Даже дыхание Кирана успокоилось. Казалось, он не дышал, пока я выполняла свою задачу.

Можно было почти услышать, как пылающая корона Сол вспыхивает и успокаивается, только чтобы снова с ревом ожить. Это было священное место. Никем не тронутое. Песок остался таким же, каким был неделю назад. Можно было даже рассмотреть мои следы. Я не могла не задаться вопросом, почему Сол сохранила это место для меня, но не защитила меня от своего Атона. Хотя я должна была поблагодарить ее за небольшую милость – она оставляла ушедших в том виде, в каком я их приносила. Так у меня была возможность отличить свою мать от остальных, провести рядом с ней немного времени.

Ни одна часть моей матери не была для меня нежеланной. Пока она была в моей жизни, я любила ее без остатка. И даже сейчас, после ее смерти, я любила ее так же всецело. Я скучала по ней с болью в сердце, которую даже Сол не могла унять или сжечь.

Через самую высокую дюну в море песка останки моей матери вели к ряду останков других женщин. Каждая маленькая кучка пепла и костей напоминала позвонки огромного зверя, который, как я надеялась, однажды воскреснет, чтобы поглотить своего убийцу.

Я опустилась на колени на почтительном расстоянии от останков седьмой жены отца и сняла крышку с урны Джобы. После чего я потрясла урну, чтобы опустошить ее, пока Киран шептал Сол принять Джобу назад, в песок, из которого она была сделана.

Киран молчал, когда я подошла к матери и села рядом с ней на изрезанный песок, который всегда успокаивал меня. Мне было интересно, слышит ли она меня. Видела ли она то, что произошло, пересекла ли небо, чтобы найти свет Джобы и утешить ее, приветствуя в загробной жизни.

Хотя Киран и боролся с этим, но раскаленный песок все равно начал причинять боль его ногам. Парень поочередно приподнимал то одну ступню, то другую. Прежде чем взять пустую урну, я пообещала маме, что вернусь, как только смогу.

- Пойдем, пока ткань не сгорела, - сказала я Кирану.

3

У подножия ступеней храма Киран взял у меня золотую урну и осмелился прошептать, чтобы я пришла в храм, если произойдет что-то плохое, когда я вернусь домой. Я солгала только для того, чтобы вытащить его из песка. Я бы никогда не стала подвергать опасности жрецов, скрываясь среди них. Кроме того, я отказывалась прятаться.

Казалось, от нашей с Кираном дружбы осталась только ложь, которую я говорила, чтобы успокоить его опасения. Наши прежние отношения, если их можно так назвать, сохранились, как осколки костей, зарытые в песок.

Бледные занавески колыхались на моем окне, когда я подходила к Дому Солнца. Я вошла внутрь и направилась в свои комнаты. Слуги сновали по коридорам, непрерывно ухаживая за «ульем», в котором они жили, остерегаясь смертоносных жал моей семьи.

Миниатюрная девушка, несущая свежестыранное постельное белье, остановилась и поклонилась мне, когда я проходила мимо. Она отвела глаза и низко согнула спину. Я ненавидела подобные проявления уважения. Ни один человек не должен кланяться другому.

Наш дом был прохладным и уютным. Мне ничего так не хотелось, как прыгнуть в бассейн с теплой водой и плавать в нем целыми днями. Жара пустыни никогда не беспокоила меня, но тяжесть последних событий давила на мои плечи.

Эта усталость усилилась, когда я вошла в свои комнаты и увидела Ситали, ждущую меня на диване. Она сменила свое белоснежное плиссированное платье

на что-то более подходящее ее натуре: кроваво-оранжевую юбку и соответствующий топ, который подчеркивал ее маленькую грудь и обнажал живот.

Она сидела скрестив ноги и старалась изобразить скуку, хотя ее нетерпение можно было легко заметить в том, как сестра барабанила пальцами по сложенным на груди рукам.

Ее темные волосы волнами спадали на плечи. Наклонившись вперед, Ситали смахнула локоны, и те каскадом рассыпались по ее спине.

– Отец хочет сделать объявление. Если не поторопишься, то опоздаешь на пир, который он устраивает. После сегодняшнего представления ты не захочешь злить его еще больше.

Ее слова почти были похожи на заботу. Почти... Глаза сестры скользнули по мне, а губы скривились в отвращении.

– Ты принесла половину пустыни на своей коже.

Пир? Зачем ему устраивать празднование сразу после похорон?

– Он снова решил жениться? – спросила я. Отец никогда не оставлял свою кровать пустой надолго.

Ситали пожала плечами.

– Почему ты ждала меня? Отец мог бы просто послать слугу, – прищурилась я, глядя на сестру.

– Ты потратила на свое наказание целую вечность, – пожаловалась она.

Ситали беспокоилась не о моем благополучии, а о своем.

– Ты решила, что Сол уже выбрала кого-то из нас?

– Зарина не изменилась. Я тоже, – призналась она, непримиримо пожимая плечами. – Я должна была удостовериться.

– Я думала, ты считаешь, что Сол никогда не опустится так низко, чтобы рассматривать меня на роль Атона.

Я подошла к ширме для переодевания, где кто-то уже повесил отглаженное платье, и сняла наряд, предназначенный для похорон. Рядом со мной на столе стоял таз с пресной водой. Я вытерла кровь с подбородка и поднесла воду к губам, прежде чем вытереть ноги и руки, очищая их от красноватого песка. Я высушила лицо и надела горчично-желтое платье без рукавов. Оно доходило прямо до лодыжек, а мои изогнутые бедра немного растягивали швы.

– Мы должны надеть наши ореолы.

Я встретила взглядом с Ситали, когда вышла из-за ширмы.

– Ты знаешь почему?

Она покачала головой, поигрывая своим ореолом, что лежал рядом с ней. Я не заметила его раньше. Мы надевали тяжелые солнечные короны только по очень важным случаям. Даже похороны проходили без них. О чем отец мог объявить сегодня вечером?

Ситали могла солгать о Зарине. Неужели Сол все-таки выбрала ее? Отец полагал, что это вот-вот произойдет. Много лет назад, когда наша старшая сестра достигла совершеннолетия, он тут же рекомендовал ее Сол. Когда его рекомендация была проигнорирована и Зарина растерянно оглянулась, отец посоветовался со Сфинкс, которая предупредила, что Сол не станет выбирать преемницу среди нас, пока всем Атенам не исполнится семнадцать. Ситали уже достигла нужного возраста, а мне исполнится семнадцать меньше чем через две недели. Возможно, Сол потеряла терпение и решила объявить своего наследника и следующего Атона прямо сейчас.

Ситали встала, поднимая свой ореол с дивана. Я внимательно взглянула на нее:

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

Какой интерес она преследовала?

Сестра хищно улыбнулась, обнажив зубы.

– Потому что я твоя сестра. – Ситали грациозно двинулась к двери, но, положив ладонь на дверную ручку, остановилась. – И потому что хочу посмотреть, когда ты снова встретишься лицом к лицу с отцом. После того, что ты осмелилась сказать ему раньше.

Мое сердце колотилось так громко, что я подумала, не слышит ли его Ситали, не чувствует ли она вибрацию, но все же сохранила каменное выражение лица и прямую спину. Я не позволю ей увидеть, как нервничаю. Я бы никому не позволила увидеть мой страх.

Помедлив еще мгновение, она выскользнула из комнаты, а я заперла за ней дверь.

С ореолом в руке я шла по длинному коридору, чувствуя под ногами холодный гладкий полированный камень. У меня не было времени принять ванну или привести в порядок волосы. Поэтому я поспешно расчесала их, надела браслеты на предплечье, кольца на пальцы и цепочки на лодыжки. Я провела подушечками пальцев по прозрачному слою ткани, простирающемуся от груди до живота, сосредоточившись на лицах кланяющихся мне слуг.

Они истощены.

Их скулы такие острые, что я могла бы использовать их вместо ножа.

Они голодают. По вине моего отца.

Но Атон и его семья всегда сыты. Нас щедро одаривают. Мы пируем.

Обеденный зал был полон хорошо одетых людей. Как отец смог собрать их так быстро, сразу же после ухода Джобы? Я остановилась в дверях, наблюдая, как богатая знать Гелиоса бродит по комнате, наедаясь досыта. Наблюдая, как слуги, чья одежда свисает с их костлявых тел, наполняют блюдо за блюдом.

Мой отец сидел во главе стола Атона. Зарина – по правую руку от него, Ситали – по левую. Их ореолы блестели от солнечных лучей, проникающих с большой террасы. По комнате гулял необычный, приятно горячий ветерок, играя занавесками и волосами благородных женщин.

Большинство из причесок были украшены золотом. Многие из гостей хихикали от слишком большого количества выпитого. Мало кто заметил мое появление, но от отца мне не удалось скрыться. Его темные глаза впились в мои, как только я вошла в комнату. Я вздернула подбородок, надела ореол на голову и целеустремленно перешагнула через порог.

Многие считали меня принцессой, хотя я знала, что я – королева.

Люди всегда сначала замечали ореол, а потом на их лицах появлялось удивление. Почтение. Страх. Толпа расступилась передо мной, и волна поклонов прокатилась по комнате. Я подошла к столу и заняла свое место рядом с Ситали, все еще не понимая, зачем мы собрались.

Я продолжила молчать, даже когда отец ухмыльнулся от удовольствия при виде моей рассеченной губы. Слуги наполнили тарелку, предназначенную специально для Алены, и поставили ее передо мной вместе с кубком вина. Судя по богатому аромату, это был лучший напиток из наших запасов.

Мои подозрения подтвердились, когда я взболтала жидкость в золотой чашке и сделала глоток.

Я поставила кубок на стол и принялась ковыряться в тарелке, не съев ни кусочка и не сделав больше ни глотка. Как я могла пировать, когда прямо за этими полированными стенами мои люди голодали? Не говоря уже о том, что собственный отец угрожал мне. Смерть, несомненно, заставила бы мои губы замолчать навсегда.

– Сегодня днем, когда ты прогуливалась по дюнам, Нур, я разговаривал со Сфинкс, – наконец сказал Атон.

Я отложила вилку. Золотой прибор звякнул о золотую поверхность стола.

Прогуливалась по дюнам?

Стиснув зубы, я изо всех сил старалась держать язык за зубами. Каким-то образом мне даже удалось изобразить скучающее выражение лица. Мне было любопытно узнать о его беседе со Сфинкс.

– И она что-то предсказала?

Брови отца приподнялись в легком удивлении.

– Действительно, так она и сделала. Очень удачное пророчество.

Отец был слишком доволен, так что предсказание, скорее всего, было связано с моей кончиной.

Я посмотрела на пустой стул Джобы напротив отца. Вчера за ужином она в последний раз ела с нами, и никто из нас не заподозрил неладного. Я задавалась вопросом, планировал ли отец убивать своих жен или момент страстной ярости охватывал его, как огонь Сол, и самообладание ломалось, как хребет птицы, что готовили к обеденному столу.

Тот факт, что место Джобы пустовало, означал, что отец еще не взял себе другую жену... По крайней мере, я надеялась на это.

От курицы на моей тарелке у меня скрутило живот, и я отставила блюдо подальше.

– На самом деле, – начал отец, – ее пророчество было настолько точным, что начало сбываться в тот самый момент, как я вышел из ее логова. Именно в тот момент Зуул встретил меня с посланием.

Зуул, мужчина с холодными глазами, сложенный как каменная стена, стоял позади моего отца. Он не просто так был начальником личной охраны Атона. Зуул был яростно предан моему отцу и безжалостен в спаррингах, в которых отец настаивал, чтобы его люди участвовали. Такой преданный, что отрезал язык собственному брату, когда тот пошутил о моем отце. Его брат теперь был чернорабочим. Каждый день он рубил камень в невыносимую жару, пока не тащился обратно в свою ветхую лачугу или не падал от изнеможения, так что другим приходилось тащить его домой.

Зуул всегда крутился рядом с отцом, осматривая комнату в поисках угроз, в существовании которых я не была уверена. Грудь этого мужчины была вдвое шире нашего стола, а на бритой голове вздувались вены, спускающиеся по предплечьям.

Толпа, вернувшаяся к увеселению, как только я заняла свое место, снова расступилась, кланяясь жрецам Сол, что вошли по одному в комнату. Жрецы были не более важным орденом, чем остальные, поскольку также имели свою ценность для Сол. У служителей храма не было главы или иерархии, они были равны, каждый был частью круга, а его центром была Сол.

В их рядах не было борьбы за власть, не было раздоров или ревности, зависти или ненависти. Они были семьей служителей, которые ничего так не хотели, как угодить богине. Поэтому, когда ее Атон пригласил их, они пришли.

Отец встал, чтобы поприветствовать каждого жреца. Они низко поклонились, в то время как он едва соизволил кивнуть. Жрецы не взглянули на Атен, и мы не поклонились им. Согласно приказу отца, мы должны были ограничить все контакты с ними.

Меньше всего ему хотелось, чтобы жрецы поддались искушению одной из его дочерей. Я бросила быстрый взгляд на Ситали и не позволила себе даже взглянуть на Кирана.

Когда все приветствия были произнесены, отец попросил жрецов сесть рядом с нами. Киран занял место рядом с Зариной, достаточно далеко от меня, чтобы наши глаза случайно не встретились. Каждый из них принимал тарелки от наших слуг, которые толпились с подносами, нагруженными едой и напитками.

Прежде чем приступить к трапезе, они возвели руки к небу, распевая благодарственную молитву Сол за еду. Я заметила, как сжался рот отца, когда прислужники богини солнца не поблагодарили его, вместо этого спокойно принявшись есть.

Под столом нога Кирана мягко надавила на мою. Я выпрямилась, вытерла рот салфеткой и откинулась на спинку стула, чтобы посмотреть, что будет дальше. Жрецы редко обедали с нами. Они принимали приглашения лишь на жизненно важные мероприятия, так что чем бы ни был вызван сегодняшний прием, должно быть, случилось что-то существенное.

И если Киран посмел прикоснуться ко мне, даже при условии, что никто, скорее всего, не увидит... Дело плохо.

Я пристально осматривала Зарину, пока, почувствовав мой интерес, сестра не подняла на меня глаза. Их теплый янтарный оттенок не изменился. Ее кожа сияла, но это было не ново. Золотое платье облегло ее стройную фигуру, даже когда она сидела. Пока я исследовала черты Зарины, она изучала мои. Старшая сестра тоже не знала, в чем дело. Сол еще не выбрала ее в качестве Атона. Пока что.

Зарина прищурилась, прежде чем отвести взгляд, чтобы проанализировать выражение лица Ситали. Обе выпрямили спины, когда отец встал.

Он ударил вилкой по своему бокалу, вызывая резкий звон.

– Спасибо, что пришли в Дом солнца в такой трудный день. День, который был наполнен скорбью и отчаянием... до того, как вмешалась Сол от моего имени и от вашего.

От дерзости его слов мои ногти впились в подлокотники кресла. Как быстро он закончил оплакивать смерть Джобы.

– В королевстве Люмина появился новый Люмин. Ему дали распоряжение провести переговоры о мире и торговле между нашими землями. Моя личная охрана, двое жрецов Сол, две младшие Атены и я отправимся в Дом Сумерек, чтобы встретиться с ним. Мы уезжаем завтра, в час.

Комната наполнилась вздохами, дополняя звуками ощущение, пронзающее мою грудь. Некоторые прижимали руки к сердцу, то ли в тревоге, то ли в надежде. Я не была уверена.

Когда произошло Великое Разделение, боги раскололи землю надвое и разделили ее между своими народами. Сол построила Гелиос в унаследованной ею северной части, в то время как Люмос создал Люмину в своей нижней половине мира.

Как огненная Сол правит нашими небесами, Люмос, бог серебра и мороза, правит небом своего города. И как у Сол есть Атон, у Люмоса – Люмин, который действует от его имени. И Атон, и Люмин были наделены способностями, хотя я слышала, что у Люмина они более устрашающие, чем у нашего отца.

Наши королевства не сражались друг с другом, но когда произошло Великое Разделение, связи между государствами тоже оборвались.

Это послание меняло все. Я даже не догадывалась, как Люмин сумел доставить его.

Тонкая полоска сумеречных земель, которые не охраняли ни Сол, ни Люмос, была необитаемой и считалась нейтральной территорией. Люди, которые когда-то жили там, давным-давно покинули свои дома, чтобы приблизиться к своим богам и правителям. Но среди разрушающихся городов, когда-то процветавших, стоял Дом Сумерек, дворец, который когда-то использовался обоими народами как Дом Единства.

Согласно свиткам истории, до того как Сол и Люмос поссорились, между нашими королевствами существовала свободная торговля и передвижения, а на земле было множество небольших городов и поселков с сельской местностью и фермами. Между нашими народами царили дружеские отношения. Когда-то Атон и Люмин работали вместе, а их боги блаженно делили небо. Я задавалась вопросом: возможен ли такой мир после стольких лет застоя, позволят ли боги своим народам заключить подобную сделку?

Прежде чем продолжить, отец подождал, пока пройдет первоначальный шок.

Зарина злилась, потому что отец не собирался брать ее с собой. Но почему?

Ее грудь вздымалась под толстыми красными бусами. Старшая сестра предпочитала огненный цвет и только во время похорон отваживалась отказаться от кровавого оттенка. Ярость залила ее лицо, пока оно не стало соответствовать цвету ее платья. Зарина пристально посмотрела на Ситали, которая улыбнулась ей с другого конца стола. Глаза старшей дочери Атона метнулись ко мне. Я не улыбалась.

У меня были некоторые догадки о том, что отец планировал сделать. Если Зарина останется здесь, ближе всех к Сол, будет ли богиня вынуждена выбрать ее в качестве наследницы? Путешествие в сумеречные земли займет несколько дней, переговоры могут длиться неделями, а значит – до моего семнадцатого дня рождения, когда все трое Атен достигнут совершеннолетия. Сфинкс однажды сказала отцу, что Сол сделает свой выбор только тогда, когда сможет выбирать между всеми дочерьми. Этот день стремительно приближался. Но что, если нас с Ситали заберут подальше от Сол, отправят в страну, куда не дотягивается даже ее свет?

Ситали не стала бы ухмыляться, если бы на мгновение задумалась о том, что может означать близость Зарины к богине.

С другой стороны, возможно, я была параноиком и Сфинкс просто сказала отцу о том, кто должен отправиться с ним в сумеречные земли, чтобы встретиться с новым Люмином. Может, у него не было другого выбора, кроме как оставить одну из нас вместо себя. Будучи старшей Атенной, Зарина должна была руководить городом в отсутствие отца.

Отец никогда бы не оставил Ситали с такой ответственностью, и он скорее умрет, чем доверит мне что-то столь жизненно важное.

Я позволила своим глазам скользнуть по лицам жрецов, стараясь не останавливаться ни на одном из них. Выражение лица Кирана – самого младшего жреца – было задумчивым, как и лица остальных членов его ордена.

Старший же жрец прикрыл глаза, несмотря на шум.

Много лет назад, когда у меня забрали мать, пожилому жрецу Сарикку было поручено сопровождать меня в дюны. Как только мы освободились от

любопытных глаз, он, несмотря на волдыри и боль, понес тяжелую урну и посоветовал мне прислушаться к воле Сол, потому что она вела меня к идеальному месту отдыха для моей матери. Он смахнул мои слезы, прежде чем спеть над ее пеплом и костями. Потом Сарик позволил мне долго сидеть рядом с ней, так долго, что его ноги обуглились, когда мы вернулись.

Я никогда не забуду его доброту в те ужасные минуты. Было трудно видеть, как возраст берет свое.

Подбородок Сарика опустился, рот медленно открылся. Брат легонько подтолкнул его, чтобы он проснулся, прежде чем отец увидит или услышит храп. Напряжение, заполнившее мою грудь, ослабло, когда старший жрец выпрямился и снова обратил свое внимание к Атону, который опять начал говорить.

– Я не могу давать никаких обещаний, кроме как поклясться послушать, что Люмин может предложить Сол. Я передам итоги наших переговоров богине, и она сама решит, что приемлемо, а что нет.

Отец перевел взгляд на меня.

Ситали торжественно сияла рядом со мной. Зарина все еще злилась.

Жрецы хранили молчание.

– Нам многое предстоит сделать, чтобы подготовиться к этому путешествию. Не стесняйтесь наслаждаться праздником так долго, как вам хочется, или ложитесь спать пораньше, если вам предстоит сопровождать нас.

Жрецы не стали терять времени даром. Извинившись, они встали из-за стола, один за другим поклонились своему Атону и направились обратно через толпу, в храм.

Мне было интересно, какие два жреца отправятся в путешествие, а какие останутся рядом с Сол и будут заботиться о ее храме и о нашем народе, если возникнет такая необходимость. Одновременно я надеялась и боялась, что она выберет Кирана для этой задачи.

В совместном путешествии искушение поговорить с моим другом было бы слишком велико. Здесь он будет в большей безопасности.

Отец снова занял свое место, щелкнув пальцами, чтобы показать, что его кубок пуст. Молодой человек подбежал наполнить его, прежде чем занять свое место у стены. На лице отца появилась редкая самодовольная полуулыбка, но она исчезла, когда он посмотрел на Зарину, которая все еще не могла скрыть своей ярости.

С серьезным выражением лица он наклонился вперед.

– Ты смеешь сомневаться во мне, Афина? – спросил он с опасной насмешкой в голосе.

– Если я собираюсь стать Атоном, меня должны видеть рядом с тобой, а не оставленной позади, – спокойно произнесла она.

Отец отрицательно покачал головой:

– А что, если я скажу тебе, что ты не станешь Атоном, если покинешь Гелиос и отправишься в сумеречные земли? – Он наклонился вперед, жестко удерживая ее взгляд. – Я больше не желаю слышать никаких протестов по этому поводу.

– Да, отец, – тихо ответила она все еще резким тоном. Ореол Зарины вспыхнул, когда она отвернулась от него, чтобы снова посмотреть на нас.

Внешне спор закончился, но внутренний огонь Зарины не был потушен. Раскаленный добела, он обжег мою сводную сестру. Могли ли остальные почувствовать ее презрение или оно было заметно только тем, кто тоже горел?

Надев прозрачное платье королевского синего цвета, расшитое золотом, я прибралась в своей комнате. Здесь не было ничего личного. Ничего такого, что я боялась бы потерять или сломать. Знай отец, что я чем-то дорожу, он бы

обязательно это уничтожил. Кровать, шкаф и письменный стол могли принадлежать кому угодно, как и сундуки, стоящие в дверях.

По просьбе отца прибыли слуги, чтобы помочь мне отнести багаж. Одного сундука было бы более чем достаточно. Только вот отец настоял, чтобы мы с Ситали взяли с собой наши лучшие платья и украшения, так как никто не знал, сколько времени займет это дипломатическое путешествие.

Выйдя на балкон, я увидела красно-оранжевую пустыню, простиравшуюся далеко-далеко – до блеска наполированных крыш храма Сол. Еще дальше лежали останки моей матери. Я сожалела, что не могу позволить себе навестить ее в последний раз перед отъездом.

Прошлой ночью отец поставил охрану у дверей моей комнаты и комнаты Ситали, как будто полагал, что мы собираемся сбежать. Не стану лгать, что не думала об этом. Я представляла собственный побег тысячу раз.

Девочка не старше двенадцати лет подошла, чтобы спросить, не нужна ли мне помощь, и поклонилась, ожидая ответа.

– Везде чисто, за исключением беспорядка под моей кроватью. Я бы хотела, чтобы ты убрала там. Не перекладывай обязанности на другого, – предупредила я, наблюдая, как она съежилась под моим пристальным взглядом.

Девочка наклонилась еще ниже, отводя глаза.

– Я уберу там прямо сейчас, Атена Нур.

– Ну так приступай к делу.

Она поспешила к кровати, а я вышла из комнаты в лабиринты коридоров Дома Солнца.

Под кроватью я спрятала еду с пиршества. Она может тайком вынести ее на улицу или съесть все прямо в моей комнате. В любом случае эта девочка не проведет еще один день голодной. Хотела бы я сделать что-нибудь с голодом, который вернется к ней завтра.

Ситали нахмурилась, когда я присоединилась к остальным путешественникам на берегу реки. Я была одновременно напугана и рада обнаружить Кирана рядом с другим жрецом. С моим другом, терпеливо ожидая, стоял Сарик – старейший жрец, что всего несколько часов назад заснул на пиру, когда отец произносил свою торжественную речь. С возрастом его позвоночник согнулся, а ноги ослабли. Седеющие волосы, которые покрывали его голову, еще когда я была ребенком, с годами поредели. Теперь он брил голову наголо, как отец и многие другие мужчины в нашем королевстве.

Выбрала ли Сол Сарика и Кирана для этой задачи или они вызвались добровольно?

Светло-карие глаза Сарика были такими же острыми, как ум и пронзительность, которыми он славился. Жрец оценил мое появление внимательным взглядом.

Киран не обратил на меня внимания. Он настороженно смотрел на корабль, покачивающийся на волнах реки. Бледная кожа его лица приобрела зеленоватый оттенок. Последний раз, когда Кирану довелось плавать на корабле, он болел несколько дней.

Отец собрал гораздо больше людей, чем та маленькая компания, о которой он упомянул во время пира. Здесь была половина его личной охраны: пятьдесят человек, искусных в бою, защите и шпионаже. Слуги все еще переносили вещи на корабль, но явно намеревались путешествовать с нами, вдобавок Атон решил взять с собой группу танцоров.

– Что все это значит? – спросила я Ситали, когда подошла, чтобы встать рядом с ней.

– По прибытии мы должны устроить пир. Если бы река не была такой мелкой, корабль затонул бы от всей той еды и вина, что он везет, не говоря уже о людях, что его сопровождают.

Она оглянулась на охранников, и ее взгляд задержался за некоторых из них. Мне было интересно, знала ли она тех, кого так пристально рассматривала, или просто искала новые увлечения.

Затем... ее взгляд скользнул к Кирану, и сестра не спешила смотреть на кого-то еще.

Я стиснула зубы.

– Атон устраивает пир. А что Люмин делает взамен? – спросила я.

Ее взгляд неохотно оторвался от Кирана и встретился с моим.

– Они называют это балом. Как говорит отец, это такой же праздник.

Когда последний ящик с припасами был поднят на борт, отец хлопнул в ладоши, приглашая всех на корабль. Мы с Ситали поднялись на небольшое судно, за нами последовали старший жрец Сарик и Киран. Охрана отца рассредоточилась по палубе, вооруженная до зубов оружием, которое я могла видеть и которое, уверена, было спрятано. После чего на борт поднялись девушки, которых Атон взял, чтобы развлекать наших соседей. Последними свои места заняли слуги.

Речной путешественник ждал приказа отца, чтобы отправиться в путь. Когда Атон позволил, его люди отвязали корабль от берега, смотали веревки и направили судно на середину реки. По краям вода была пугающе мелкой, но в центре ее было более чем достаточно, чтобы нести нас в нужном направлении.

Я вцепилась в перила, когда корабль набрал скорость. Горячий ветер подхватил белый парус над головой, отчего тот гордо расправился и потащил нас по голубой воде.

На мелководье женщины стирали и отжимали одежду, в то время как их дети плескались рядом. Тут и там на поверхности реки виднелись толстые костяные доспехи крокодилов. Они отплывали в сторону от корабля, размахивая своими сильными хвостами.

Вода отступала, и берега менялись, но остатки бывшего величия реки можно было увидеть там, где земля высохла, словно чешуйчатая кожа. Ближе к берегу почва была темнее, но по мере удаления от живительного потока она постепенно светлела.

Сол оставалась высоко. Ее тепло смешалось с влагой в воздухе, и я нутром чувствовала, что буду скучать по ней и Гелиосу.

Облокотившись на перила, я заняла место у борта корабля рядом с несколькими ящиками и наблюдала, как мы плавно проплываем мимо нашего королевства. Я улыбнулась, когда несколько детей побежали к реке, просто чтобы помахать нам. Некоторые из них еще долго следовали за кораблем. Я подняла руку, и счастливые визги вырвались из их крошечных грудей.

Узнали ли они нас или любой взмах руки в ответ обрадовал бы их?

Ситали окружила себя самыми красивыми членами отцовской гвардии. Эти мужчины боролись с желанием не смотреть на ее довольно откровенное платье. Ей было все равно, накажут ли кого-то из них за вожделение к одной из Атен. Моя сестра упивалась властью, которую ее тело имело над ними. И, как рыбы в воде, они плыли навстречу приманке, разинув рты. Они даже не узнают, что попались на крючок, пока она не вытащит их из воды, необходимой для выживания, и не выбросит на берег, чтобы они задохнулись.

Зарина нас не провожала. Без сомнения, она все еще была недовольна тем, что ее оставили дома. Если Сол выберет Зарину, пока нас не будет, изменит ли это мою старшую сестру? Я попыталась представить Зарину в роли Атона.

Древние Атоны изображались на стенах храмов светящимися, подобно сиянию короны Сол. Отец не излучал света; наоборот – тьма исходила от каждого его слова и действия. Как бы трудно ни было представить Зарину в роли Атона, еще труднее было поверить, что богиня выберет меня.

К тому же... Каково это – получить благосклонность богини? Быть Атоном, слышать богиню, видеть ее лицо, иметь шанс встретиться с ней?

Отец никогда не говорил о своих отношениях с Сол. У меня было такое чувство, что это связано скорее с жадностью, чем с секретами, которые он обязан хранить. Другие Атоны так подробно описывали свои встречи с богиней золота и огня, что у меня горели кончики пальцев, которыми я проводила по их резным изображениям.

Отец молчал обо всем, что не бросалось в глаза. Он копил мудрость и дары богини, как если бы обижался на Сол за то, что она постоянно затмевает его.

Сарик шаркающей походкой направился ко мне. Я встала, когда жрец остановился и указал на деревянные ящики:

- Не сможешь мне присесть, Афина?

Его голос был хриплым и таким же слабым, как и его тело. Он напомнил мне согнутую и сломанную тростниковую шелуху, лежащую на старом берегу реки. Служанка увидела нас и поспешила принести две подушки. Я осторожно взяла Сарика за руку и опустила на одну из подушек, а вторую подложила ему за спину.

- Удобно? - спросила я, зная, что на борту раскачивающегося судна сложно нормально отдохнуть. Корабль сам по себе не предполагал комфорт. Он не был построен, чтобы вместить так много людей.

- Я в порядке, Афина, спасибо, - прохрипел жрец.

Под морщинистой, обвисшей кожей на его груди скрывалось доброе сердце. Легенда гласила, что Сол жила в своих жрецах. Маленькими искорками. Когда Сарик смотрел на меня, я и правда иногда видела свет богини в его улыбке.

Жрец перевел дыхание, устраиваясь поудобнее на подушках. Он улыбнулся и снова поблагодарил меня за помощь. Киран подошел с чашкой в руках и предложил старшему жрецу выпить воды. Глаза Сарика загорелись.

- Спасибо тебе, брат. - Он сделал глоток. Иссохшие руки жреца дрожали, пока он сжимал золотую чашу, но ни капли воды не пролилось. - Знаешь, было время, когда я был молодым парнем, заботившимся о своих старших братьях, - сказал он Кирану в знак благодарности.

Еще глоток.

Киран, не смотря на меня, спросил:

– Хотите немного воды, Атена?

– Нет, спасибо. Я не хочу пить, – ответила я деревянным голосом. Старик перевел взгляд с Кирана на меня и нахмурился еще больше, чем обычно.

Мне следовало бы смягчить свой голос.

– Брат, – Сарик похлопал по ящику рядом с собой – тому, что стоял подальше от меня, – присаживайся, и морская болезнь пройдет.

Киран опустился рядом с ним и позволил себе прислониться спиной к деревянным перилам. Он выглядел таким же зеленым, как похожие на волосы водоросли, плывущие по руслу реки.

Сарик прочистил горло, глядя на меня со своего импровизированного стула.

– Атена, Сол в последнее время много беспокоится. Заметила ли ты в ней перемену?

Да.

Ее огонь горел жарче. Она не поднялась достаточно высоко в небо, чтобы дать нам передышку, как раньше. Вместо этого богиня изливала на нас весь свой жар. Чем мы так разгневали ее?

– Я кое-что заметила, – призналась я.

– Я поделился своими опасениями с твоим отцом, но Атон не верит, что что-то не так.

Меня совсем не удивило то, что отец отмахнулся от беспокойства старшего из ныне живущих жрецов богини. Как предсказуемо. Я бы не стала игнорировать слова Сарика. То, что он говорил, было правдой, даже если мы не знали причины.

– Может, она готова выбрать наследника? – спросила я. – Возможно, она спустилась ниже, чтобы лучше оценить трех Атен?

Старик сделал паузу, чтобы обдумать мои слова.

– Возможно, но внутри меня зарождается странное беспокойство, которое даже свет Сол не может прогнать.

При этой мысли у меня по спине пробежали мурашки, но я приказала себе успокоиться. Сол казалась более могущественной, чем когда-либо. Возможно, дни Сарика становились все темнее по мере того, как просеивался песок времени в песочных часах его жизни. Почти ничего не осталось в их верхней половине.

– Свет Сол может прогнать любую тень, – возразила я, пододвинувшись так, чтобы мое бедро прислонилось к поручням корабля. Так я могла лучше видеть лицо Сарика.

Старый жрец склонил голову набок и поморщился.

– Возможно, но что, если Сол решила позволить тьме спуститься и остаться?

Я не могла отвести взгляда от старца. Было очевидно, что Сарик знал больше, чем готов был признать. Я чувствовала это.

– Зачем богине делать что-то подобное?

Голос моего отца прогремел с носа корабля, где он стоял в окружении своей охраны, на секунду отвлекая наше внимание.

– Действительно, зачем? – тихо спросил Сарик.

5

Когда все устроились на отдых, несмотря на палящее, жаркое солнце над головой, за мной пришел мальчик-слуга лет девяти, не старше.

– Атена, – поприветствовал он с глубоким поклоном. – Ваш отец просит явиться в покои речного путешественника.

Темная тень, которую чувствовал Сарик? Одна из таких теней жила во мне и теперь скрутила мой желудок в узел. Я наклонила голову, проведя верхними зубами по заживающей нижней губе.

– Позвал ли он и Ситали?

– Я точно не уверен, Атена Нур. Мне только было приказано найти вас и привести к нему.

Сарик зашевелился рядом со мной. Его светло-карие глаза встретились с моими. В них светились тысячи невысказанных слов и предупреждений.

Только ни одно из них не имело значения. Я последовала за мальчиком к двери маленькой комнаты, в которой обычно жил речной путешественник, но теперь занял мой отец. Кровать, достаточно большая, чтобы вместить одного человека, была завалена пышными подушками и одеялами. На столе стояли различные яства и откупоренные бутылки вина. Коробки были сложены вдоль стен.

Запах курительных трав все еще витал в воздухе. Я улыбнулась, представив, как провоняют чистые вещи Атона. Отец, без сомнения, счел все это грязным.

Речной путешественник вошел внутрь, снял соломенную шляпу и поклонился мне. Его жесткая седая борода изогнулась от теплого ветерка, дующего снаружи.

– Атена, надеюсь вы чувствуете себя комфортно на моем судне.

– Вполне, спасибо, – ответила я, изучая кучу карт за его столом. Нарисованные от руки, они были настолько детализированы, что приковывали взгляд. Я подошла ближе. – Сколько точно времени займет путешествие в сумеречные земли?

Капитан сложил руки за спиной и покачался на носках.

– Я никогда не спускался по реке дольше двух дней. Сумеречные земли находятся в трех днях пути, если верить лучшей карте, что у меня есть. Но не волнуйтесь, Атена. Река останется спокойной на протяжении всего путешествия. Мой дед сделал тщательные заметки, пока плавал по реке и ее притокам, чтобы нарисовать карту.

– Продолжается ли река в Люмине?

Путешественник по реке кивнул:

– Да, но карта заканчивается на Разделении, Атена.

Я посмотрела на нижний край карты и заметила, что она сложена так, чтобы спрятать вторую половину. Река была пуповиной, связывающей наши королевства. Слишком долго она была разорвана, но, если «кровь» в виде торговли снова потечет по ее руслу, Гелиос может быть спасен.

Позади нас послышалось какое-то движение.

Я напряглась, ожидая увидеть отца, но расслабилась, когда вошла Ситали. Я никогда не думала, что буду рада увидеть сестру, но мысль о том, чтобы остаться наедине с отцом после того, что произошло вчера, заставляла мою душу леденеть от страха.

Речной путешественник поприветствовал мою сводную сестру, а когда появление отца почти не оставило свободного пространства в его покоях, извинился и вышел. Атон закрыл дверь, кивнув Зуулу, который теперь прятался в углу, сложив массивные руки перед собой.

Отец слегка усмехнулся, и даже Ситали поспешила поправить безупречно сидящее платье.

Я заставила себя оставаться неподвижной и не опускать головы. Несмотря ни на что, я не уступлю.

– То, что я собираюсь сказать, никогда больше не будет обсуждаться, – начал он, переводя взгляд своих холодных глаз с Ситали на меня. – После ухода Джобы я

поговорил со Сфинкс, и та дала мне невероятно важное пророчество. Хотя провидица и признала, что Люмин искренне стремится к миру, она также открыла мне способ обеспечить вечное процветание и тем самым гарантировать, что мое правление в качестве Атона никогда не закончится.

Никогда не закончится? Он же не был бессмертным. Богиня могла бы даровать ему вечную жизнь, но зачем ей это делать? Зачем связывать себя с таким человеком на целую вечность?

Даже Ситали удивленно вскинула брови.

Заметив наше замешательство, отец объяснил:

– Люмос подарил своему первому наследнику корону, сделанную из лунного света. Эта реликвия наделяет своего обладателя великой силой бога.

– Любого обладателя? – спросила Ситали, склонив голову набок с внезапным интересом.

Отец ответил на вопрос дочери кивком:

– Кого угодно.

Мы были наследниками Сол, но если то, что сказал отец, правда, с короной наша семья могла стать Люминами. Глаза Ситали, в которых горела жадность, встретились с моими.

– Я попросил Зарину остаться, чтобы у Гелиоса точно был наследник, – сказал отец. – Ни для кого не секрет, что, если Сол придется выбирать, я хочу, чтобы Атоном стала именно Зарина, а не одна из вас.

Эти слова ранили. Я знала его мнение лучше, чем свои собственные черты лица, но, когда он произнес это вслух, что-то все равно кольнуло в моей груди.

– В своем письме новоизбранный Люмин упомянул о потенциальном союзе с Гелиосом, заключенном не только на пергаменте, но и в результате слияния наших семей. Он открыт для обсуждения брака с одной из моих дочерей.

Губы Ситали приоткрылись, и она бросила взгляд на меня.

– Такой брак стал бы идеальным решением для Гелиоса. Я мог бы начать совместную работу с Люмином, в то время как его жена – одна из вас – тайно искала бы корону. Это в интересах Гелиоса и Сол – иметь Атона, наделенного двойной властью. И богиня решила, что я должен стать этим Атоном.

Объясняя, отец ходил взад и вперед, размахивая руками.

– Просто представьте себе это: светила снова смогут сменять друг друга на небе. Наша земля, вместо того чтобы увядать, вернется к процветанию. Эта корона может все изменить. Я могу все изменить.

И контролировать все.

Его возбуждение исчезло в мгновение ока. На его лице появилось серьезное выражение, под которым все еще проглядывалась мания одержимого жаждой власти.

– У нас есть время только до дня рождения Нур. Если я не получу корону к тому моменту, когда вы все наконец достигнете совершеннолетия, Сол выберет Зарину, а я буду смещен. Тогда мы ничего не сможем изменить в нашем королевстве. Постепенно все погибнет; река высохнет, а плодородная почва исчезнет. Если мы потерпим неудачу, Сол пошлет пески поглотить Гелиос. Жрецы говорят, что дюны уже начали смещаться в сторону нашего великого города.

Отец наблюдал за мной с настороженным выражением лица. Он знал, что Ситали подчинится, а я буду сопротивляться.

– Если не ради меня, сделай это ради наших людей. Пожалуйста, – попытался Атон. Впервые на моей памяти отец так умоляюще смотрел на меня.

– Что я получу, если выполню это задание для тебя, отец? – осмелилась спросить Ситали.

Губы отца приоткрылись. Он посмотрел на нее так, словно перед ним стояла незнакомка, но это было истинное лицо Ситали. Моя сводная сестра всегда беспокоилась только о себе. Ситали нетерпеливо забарабанила пальцами по рукам, наслаждаясь тем фактом, что в кои-то веки отец нуждался в ней, а не наоборот. Она наконец-то завладела вниманием Атона, хотя я не была уверена, не пожалеет ли она о своих словах чуть позже.

Отец сосредоточился на моей сестре:

– Я ожидал неповиновения от Нур, но не от тебя, Ситали. И я думаю, ты знаешь, что тебя ждет, если подведешь меня.

Острые глаза девушки пронзили его.

– Я буду рисковать собственной жизнью. Буду рисковать всем. Поэтому я ожидаю чего-то равноценного взамен.

Отец замер. На секунду я подумала, что моя сводная сестра зашла слишком далеко. Но мгновение спустя Атон, похоже, успокоился, его плечи расслабились.

– Скажи, чего ты хочешь, и это станет твоим. Земля. Богатство. Титул. – Он просиял и, улыбаясь, покачал головой: – Если принесешь мне корону лунного света, я дам все, что твоей душе будет угодно. Тебе ни в чем не будет отказано, Ситали.

Сводная сестра ловила каждое слово отца. Ее жадные глаза блестели, пока она воображала прекрасное видение, которое нарисовал для нее Атон. Но она забыла о том, чему мы были свидетелями множество раз: в обещаниях отца всегда скрывался подвох.

Ситали замерла.

– Отец... почему ты рассказал об этом нам обеим? Кого из нас ты собираешься выдать замуж?

– В нашей переписке Люмин сообщил, что хочет провести время с каждой из вас. Так он сможет определить, кто подходит ему лучше.

Это грозило еще больше разделить нас, натравить сестер друг на друга. Решение Люмина могло вызвать раздор в нашей семье, в то время как его народ остался бы в целости...

В моей голове возникла еще более мрачная мысль. Что будет делать армия Люмины, пока Алены борются за сердце Люмина, а Атон наблюдает за этим, ждет корону и строит великие планы? Не обратят ли они свое внимание на Гелиос и не захватят ли его, пока мы так заняты?

Это было похоже на ловушку. Не важно, кто расставлял капканы – Люмин или Сфинкс, – у меня было отчетливое ощущение, что нас использовали в качестве приманки.

– Ты сегодня тихая, Нур, – заметил отец.

Ситали снова вмешалась в разговор:

– Отец, при всем моем уважении, сказала ли Сфинкс, почему Сол хочет, чтобы ты один... взвалил на себя это бремя?

Как же хорошо ты подобрала слова, Ситали.

Грудь отца приподнялась.

– Сол верит, что с этими силами я смогу освободить ее.

Сол могла опускаться к Гелиосу и подниматься высоко в небеса, но в остальном она была неподвижна. Неподвижна в таком огромном и голубом небе. Было больно видеть ее в заточении.

Взгляд Ситали смягчился. Я задавалась вопросом, жаждала ли она тех возможностей, которые могла бы предоставить ей корона. Казалось, она приняла ответ отца, но пропустила мимо ушей его намек на то, что именно он станет спасителем Сол – именно он освободит богиню.

Но это было совсем не так. Если бы Сол получила свободу благодаря мне или Ситали, отец с удовольствием принял бы предназначенные для нас власть и

хвалу. Ситали была дурой, если думала иначе.

Можно ли убедить Сол вознаградить того, кто действительно освободил ее? Будь это я, смогла бы я попросить богиню освободить нас от нынешнего Атона? Если бы корона оказалась в моих руках, я бы никогда не отдала ее кому-то столь недостойному, жестокому и эгоистичному, как наш отец.

Мои мысли разлетелись, как песок на ветру.

Пророчества Сфинкс всегда сбывались. Сол создала львицу после Великого Разделения, задолго до того, как выбрала первого Атона из своего народа. Мудрости Сфинкс не было равных, ее слова никогда не поддавались сомнению.

Но как я могла доверять провидице, когда не была уверена в самой Сол? Богиня выбрала отца, потому что тот являлся потомком первого Атона, но она могла бы выбрать кого-нибудь еще (кого угодно) для этой задачи. Кого-то добрее, мягче и мудрее. Возможно, милосердие богини золота и огня сгорело, не оставив ничего, кроме неконтролируемого гнева. Ее благодать высохла, как пустыни, крошечные песчинки которых собирались в приближающиеся к нашему городу дюны.

Видела ли она в пепельном сердце отца отражение своего собственного?

Или... возможно, отец придумал какую-то сделку, чтобы заставить Сол дать ему то, что так яростно желало его сердце: власть без ограничений. Возможно, если он использует свою новую, украденную у Люмина силу, чтобы освободить богиню, она в ответ сделает его подобным богу.

– Вы обе встретитесь с Люмином на празднике, который мы устраиваем в честь начала переговоров. Вам нужно будет привлечь его внимание, заманить его в ловушку, – посоветовал отец. – Но самое главное, вам предстоит найти корону. – Он посмотрел на Ситали: – Можешь идти. Мне нужно поговорить с Нур наедине.

Я медленно вдохнула, чтобы Атон не заметил, как меня охватывает нервозность. Ситали сверкнула понимающей улыбкой, прежде чем поклониться и выскользнуть из комнаты. Дверь с мягким щелчком закрылась за сводной сестрой, оставив нас с отцом лицом к лицу.

Без Ситали каюта показалась мне на удивление маленькой. Зуул все еще неподвижно стоял, но не сводил глаз со стены позади меня.

Встав прямо передо мной, отец отряхнул руки. Он молчал. Молчание часто предшествовало его ярости.

– Ты сделаешь все возможное, чтобы принести мне корону, или я избавлюсь от тебя раз и навсегда. Только попробуй поставить меня в неловкое положение или раскрыть мои планы Люмину. Я закую твою душу в песок, и в будущей жизни ты никогда не встретишься со своей изменщицей-матерью.

Я вызывающе вздернула подбородок:

– Моя мать не была изменщицей.

С жестоким смешком Атон схватил меня за горло и толкнул назад. Я ударилась затылком о карту, что дед речного путешественника так старательно прорисовывал. Звезды на мгновение заплясали перед глазами, а комната закружилась. Мои ноги оторвались от земли, когда отец поднял выше руку, сжимающую мое горло.

– Хочешь знать, каково это было – смотреть, как лопаются сосуды в ее глазах? – прошипел он.

Я старалась не сопротивляться, но он грозил сломать мне шею. Я посмотрела на Зуула, чьи суровые глаза встретились с моими, но он даже не шелохнулся, чтобы помочь. Давление в моей голове нарастало. Я хватала ртом воздух, но он не проникал внутрь.

Потребовалось все мое мужество, чтобы не вцепиться в запястье моего мучителя.

– Хочешь, чтобы я отпустил? – спросил отец, приподняв брови.

Я попыталась кивнуть. Что-то сказать. Мои губы шевелились, но из горла вырывались только какие-то непонятные звуки.

– Какая же ты жалкая, – выплюнул он. – Такой же монстр, как она. Я позволю тебе покинуть сумеречные земли живой, только если ты каким-то образом убедишь Люмина, что он должен выбрать именно тебя.

Отец снова впечатал меня в стену как раз в тот момент, когда кто-то постучал в дверь.

Я видела войну, бушующую в глазах Атона. Он не хотел меня отпускать. Он хотел покончить со мной, но две дочери увеличивали шансы на успех той коварной задачи, что он нам дал.

Отец отпустил мое горло, и я резко упала, ударившись спиной о стену и висевшую на ней карту. Я хватала ртом воздух, мои легкие болели от давления. На мгновение я прижала руку к груди, чтобы заглушить боль. Кровь медленно отлила от моего лица.

Отец обернулся, чтобы посмотреть, кто осмелился прервать его, и увидел Сарика, ожидающего в дверях.

– Мой Атон, я надеялся поговорить с вами. Я не знал, что вы заняты.

Взгляд старика метнулся ко мне, после чего он снова посмотрел на отца. Жрец вел себя так, будто ничего не заметил, словно я была недостойна его беспокойства. Единственным признаком обратного являлись изъеденные старостью кулаки, которые он сжал по бокам.

– Я закончил с ней, – сказал отец с веселой улыбкой, приглашая старшего жреца в комнату.

Пока я кашляла и отплевывалась, все еще втягивая в себя воздух, Зуул схватил меня за руку и поднял на ноги.

Охранник отца вывел меня из комнаты, предусмотрительно закрыв за собой дверь. Я надеялась, что у Сарика найдется, что сказать. Иначе отец поймет, что жрец пришел только для того, чтобы помешать моему убийству.

На дрожащих коленях я попыталась собраться с духом и притвориться, что все в порядке. Я вернулась на свое укромное место у борта корабля, устроилась рядом с Кираном, при этом оставив между нами место для Сарика. Мой друг-жрец пробормотал проклятие, которое, я была уверена, резануло ухо Сол. Мои глаза вспыхнули.

Темная ярость залила его лицо. Служанка, которая принесла подушки для Сарика, уставилась на нас с того места, где она сидела, поглаживая ягнят, стоящих поблизости.

- Не могли бы вы принести свежей воды и тряпку, пожалуйста? - осторожно попросил ее Киран.

Девушка только кивнула, прежде чем поспешить прочь. Через мгновение в юных руках Кирана оказались маленькая миска и кусок ткани.

- Тебе запрещено делать подобное, - предупредила я.

- Долг жреца - заботиться о своем Атоне. А значит, и об Афинах тоже.

Но как он мог позаботиться об обоих, когда они постоянно враждовали?

Прояви Киран ко мне доброту, ему обязательно отплатят жестокостью. Я попыталась отодвинуться, но жрец остановил меня:

- Не двигайся.

Киран окунул светлую ткань в прохладную воду и скользнул на свободное место Сарика. Мое зрение снова затуманилось, а живот тревожно сжался. Прохладная ткань замерла на моей шее.

- У тебя отметины на горле, - прохрипел Киран.

Я не кивнула, не заговорила.

Сдвинься я хотя бы на дюйм, меня бы стошнило.

Жрец прижал тряпку к моему горлу и подержал ее там некоторое время. Прохладная вода впиталась в мою кожу, но Сол быстро высушила влагу. Киран снова смочил ткань, прижимая ее к моей губе. Прикосновение кольнуло. Рана снова открылась. Я лизнула порез и почувствовала привкус меди.

Чтобы все вокруг снова не закружилось, я прикрыла глаза и осторожно потрогала затылок, где набухла шишка размером с гусиное яйцо.

- Голова тоже? - спросил Киран.

Мимо прошел охранник, один из людей Зуула. Он замедлился, переводя взгляд с меня на молодого жреца.

Я запаниковала и выхватила тряпку из рук Кирана, после чего прижала ее к ушибленному месту.

- Спасибо, жрец, - поблагодарила я официальным тоном. - Я просто упала.

Охранник продолжил свой путь, но медленно, явно напрягая слух, чтобы подслушать наш разговор.

Киран вернулся на свое место. Он, вероятно, почувствовал страх, исходивший из моего сердца, почувствовал, как этот страх отражается от деревянной поверхности, к которой мы оба прислонились.

Сколько раз я «падала» за свою жизнь? Эти слова казались мне пустыми, в то время как сама я была переполнена праведным гневом.

Отец хотел корону лунного света больше всего на свете. Он подталкивал собственных дочерей к соблазнению Люмина, чтобы одна из нас вышла за него замуж и, украв источник силы своего мужа, передала Люмоса и его великую корону нашему отцу. Огня Сол было недостаточно, чтобы удовлетворить нынешнего Атона.

Как богиня могла допустить подобное? Неужели она так отчаянно хотела освободиться? Мое горло пульсировало, напоминая, что я нахожусь в таком же отчаянном положении, как и она. Может быть, моя ситуация даже хуже. Битва

между отцом и мной должна закончиться. Так или иначе.

Сарик вернулся и занял свое место между Кираном и мной. Его нежные глаза встретились с моими.

– Спасибо, – сказала я так, чтобы только он мог услышать.

Жрец слегка наклонил голову.

– Сарик? – Я сделала паузу, подыскивая слова и силы, чтобы их произнести. – То, что он сказал, правда? Сол заключила с ним соглашение?

Пожилой жрец сжал свои иссохшие губы в тонкую линию.

– Мне жаль, Нур, но Сфинкс действительно передала ему такое пророчество.

Я совсем не доверяла отцу, но я доверяла Сарику. Если он сказал, что сделка между моим отцом и богиней состоялась, значит, так оно и было. И хотя жрец не стал вдаваться в подробности о том, как это произошло: убедил ли отец богиню дать ему шанс освободить ее или Сол сама выбрала его и захотела, чтобы он навсегда стал ее сосудом. В конце концов, это ничего не меняло. Результат оставался прежним.

Тупая пульсация барабанила у меня под веками. Со мной все будет в порядке. Мне просто нужно отдохнуть. Надеюсь, отметины на моем горле не слишком заметны, а губа каким-то образом заживет до того, как я встречу нового Люмина.

Я не собираюсь выходить за него замуж, но мне все равно нужно с ним сблизиться. Даже больше – необходимо, чтобы он возжелал меня. Чтобы выбор представителя сумеречных земель не пал на Ситали.

А в процессе соблазнения я помешаю сводной сестре отыскать источник силы Люмина.

Потому что сама украду корону лунного света.

Не для отца.

Даже не ради той власти, которую эта реликвия способна мне дать.

Но чтобы удержать отца от превращения во что-то непреодолимое, во что-то разрушительное.

Мне надоело жить в его тени. Терпеть угрозы, побои и страх.

Если смогу найти корону, уничтожу Атона и выиграю эту войну.

И когда отец падет, я без колебаний вырву солнце из его разрушительной хватки.

Я освобожу себя.

А потом освобожу Сол.

Надеюсь, огонь богини не испепелит меня за то, что поставила собственную свободу выше ее.

6

Чем дальше мы спускались вниз по реке, тем больше я замечала, что Сол, все еще застрявшая на небосводе, не двигалась вместе с нами. Я почувствовала странную тягу – как будто богиня держала конец веревки, обмотанной вокруг моей груди. Нежелание оставлять ее свет и тепло поселилось внутри меня.

На пятый час третьего дня нашего путешествия слова речного путешественника снова всплыли в моей памяти. Я все еще могла видеть часть лица Сол в северном небе, но богиня почти исчезла.

Над нами опустилась тень. Небо было в состоянии войны, яркая синева проигрывала битву приглушенно-серому. Тревожный оттенок. Температура тоже

упала. Хотя большинство людей на борту восхищались ощущением прохладного воздуха на своей коже, у меня по спине бежали мурашки.

Огонь Сол, поселившийся в моих венах, раз за разом отважно прогонял холодящее душу чувство.

Киран и Сарик прогуливались по палубе. Молодой жрец наконец приспособился к волнообразному движению корабля на воде. Старшему же жрецу нужно было размять спину и ноги, но они все равно время от времени поглядывали на меня.

Отец не разговаривал со мной с тех пор, как поделился своим секретным планом, а потом попытался задушить меня. Когда боль в голове утихла, а приступ страха от произошедшего отступил, я наконец смогла расслабиться. Киран продолжал бросать на меня многозначительные взгляды.

- Что такое? - тихо спросила я.

Он не хотел говорить, поэтому я порылась в сундуках, пока не нашла ручное зеркальце. Я с ужасом увидела, что в моем правом глазу лопнул сосуд, а из карамельного зрачка вырвалась красная молния.

С тех пор я не разговаривала ни с ним, ни с Сариком. Не потому, что злилась на них. Отец мог заметить внимание, которое они уделяли своей Атене. Тогда он причинил бы им боль, только чтобы ранить меня. Молчания может быть недостаточно, чтобы обеспечить их безопасность.

Когда Киран и Сарик оказались на другой стороне палубы, я встала, потянулась и направилась на корму, прислонившись к перилам и наблюдая за ходом корабля. Без мощных лучей Сол вода выглядела мутной и расплывчатой. Я не могла видеть пятна травы и водорослей, которые лежали на дне. Если рыба и поднималась на поверхность, даже мерцание ее металлической чешуи ускользало от меня.

Ситали подошла и встала рядом со мной, прислонившись бедром к перилам и скрестив руки на груди. Я подумывала о том, чтобы выбросить ее за борт; улыбка украсила мои губы при мысли о том, как она барахтается в реке и привлекает крокодилов, которые прячутся поблизости.

Чем дольше я игнорировала ее, тем все более нетерпеливой становилась моя сводная сестра.

- Что ты о нем знаешь? - наконец спросила она, расслабляясь.

Впервые с тех пор, как мы были детьми, Ситали выглядела неуверенной, почти нервной.

Хотя она и не назвала имени, я поняла, что она имела в виду таинственного Люмина. Что я знала о нем? Честно говоря, знала не так уж много, и, конечно, этого недостаточно для планов, которые мне предстояло осуществить. Люмин был недавно избран. Я слышала о его силе, но понятия не имела, какой он человек. А ведь он был мужчиной, которого мне нужно изучить. Я должна заслужить его доверие и разгадать его темные секреты.

- Уверена, что не больше, чем ты.

- Некоторые из охранников поговаривают, что он наполовину зверь, - прошептала Ситали. - Якобы он питается чужой кровью и плотью.

Я слышала подобные слухи с тех пор, как на нас опустились серебряные сумерки. Очевидно, тень выбила из колеи остальных так же сильно, как и меня. Сол была так далеко, что теперь я едва могла ее разглядеть. Через час богиня солнца будет вне досягаемости, и мы обменяем ее тепло на серый саван, покрывающий землю. Мне казалось, что нас заживо хоронят.

Ситали вздрогнула и потерла голые руки.

- Тебе следовало выбрать одежду потеплее, - сухо заметила я.

Она ухмыльнулась и придвинулась ближе, чтобы сохранить наш разговор в тайне.

- Я буду носить гораздо меньше, чем это, в Доме Сумерек. Если думаешь, что я не сделаю все возможное, чтобы завоевать Люмина, то ты ошибаешься, Нур.

Я наблюдала, как речные водовороты нарушают спокойствие прохладной поверхности реки, надеясь, что сестра не заметит, что я так же отчаянно хочу добиться благосклонности и внимания этого мужчины, но по совершенно другой причине.

Она наклонилась и прошептала:

- Мне нужна корона лунного света, Нур.

- Чтобы отдать ее отцу? - отрезала я. - Ни за что.

- Так ты меня раскусила? Думаешь, что действительно знаешь меня? Знаешь все о моей жизни?

- Я не хочу ничего об этом знать.

Ситали опустила взгляд на мое горло и улыбнулась. Я ожидала, что она повернется и уйдет, чтобы найти какого-нибудь мужчину для развлечения. Но Ситали удивила меня. Сестра оттолкнула меня назад и прижала к перилам своим предплечьем. Моя спина ударилась о дерево, я перегнулась через борт корабля. Речная вода, спокойная всего несколько мгновений назад, теперь ревела прямо мне в ухо. Ситали всем своим весом навалилась мне на грудь. Чтобы не упасть, я в отчаянии вцепилась руками в ее запястья. Сначала мои пятки, а потом и пальцы ног оторвались от палубы. Затем... сводная сестра отпустила меня, подняв руки, как будто передумала меня убивать.

- Крокодилы в сумеречных землях не оставят от тебя и следа. Даже Сол не сможет отыскать твои останки. Запомни это. Я нашла способ вырваться, и не позволю тебе или кому-либо еще встать у меня на пути.

Ситали неторопливо удалилась, как будто не пыталась скормить меня крокодилам, как будто мы просто мило поболтали и теперь решили разойтись по своим делам.

Мое сердце бешено колотилось.

Она могла убить меня. Могла бы пойти дальше, чем отец, который пытался меня задушить. Оставалось непонятным, почему Ситали этого не сделала.

Я понятия не имела, зачем ей понадобилась корона, но все же сомневалась в том, что сестра в конце концов передаст реликвию отцу.

Я ахнула, когда корабль наконец окончательно отделил меня от Сол. На несколько мучительных мгновений мне показалось, что богиня схватила мое сердце и вырвала его из груди. Если бы не поручни корабля, я бы упала в реку и утонула в потоках воды. Речной путешественник обещал, что в сумеречных землях поверхность реки будет гладкой, но вода здесь бурлила так, как я никогда раньше не видела. Там, где должно было быть мое сердце, пустила корни холодная тьма, пустынная и одинокая, как зыбучие пески.

На другом конце корабля Ситали смеялась вместе с гвардейцами, которые, все еще не задумываясь о собственном благе, развлекали ее. Казалось, отсутствие Сол на нее совсем не повлияло. Я попыталась отыскать взглядом отца, но он, скорее всего, укрылся в каюте речного путешественника.

Чувствовали ли то же самое Сарик и Киран или только мне было так тяжело покидать богиню солнца? Неужели я так сильно расстроила ее, что она оставила меня умирать?

Слеза скатилась сначала из одного моего глаза, потом из другого. Я уставилась на волнующуюся реку. Моя печаль выплескивалась и присоединялась к воде, подталкивая меня к судьбе, которую я могла не пережить.

Дом Сумерек был огромен. К тому времени, когда речной путешественник и его команда подвели корабль к берегу реки и закрепили его, привязав веревками к

огромным валунам, Люмин и его люди уже были там. Нас неожиданно встретила фанфарами почтительная и ликующая толпа. Мелодия, не похожая ни на одну из тех, что я слышала, исходила от инструментов, которые я никогда раньше не видела. Но это было не самое лучшее.

Отец вывел нас с корабля, Сарик и Киран шли следом за мной и Ситали. Каждый человек в толпе держал маленький мешочек. Все они одновременно потянулись к ним. Отец был ошеломлен, опасаясь худшего, пока жители сумеречных земель не подбросили в воздух то, что было внутри: шелковистые лепестки всех оттенков белого, розового, красного и даже синего.

Сердце подпрыгнуло, когда я увидела, как они падают. Я наклонилась, чтобы собрать несколько, и, проведя по ним большими пальцами, ощутила невероятную мягкость. На губах расплылась непрошенная улыбка. Лепестки дождем сыпались нам на плечи и путались в волосах.

Ситали придвинулась поближе ко мне.

– Их так много. Они превосходят нас числом...

Конечно, Ситали думала о войне и опасности, даже не предполагая, что Люмин искренне хотел мира между нашими землями.

И все же она была права. Нас было меньше, но, оглядев толпу, я не увидела никого, кто выделялся бы среди остальных. Неужели Люмин не соизволил прийти?

Когда все покинули корабль, отец остановился и повернулся лицом к восхищенной толпе.

– Спасибо вам, жители Люмины, за этот прекрасный и величественный жест. Мы с нетерпением ждем завтрашнего праздника в вашу честь.

Люминанцы заплотировали, отступая, чтобы предоставить нам больше места. Некоторые поспешили обратно в Дом Сумерек, в то время как другие задержались, наблюдая, как слуги разгружают наши вещи. Кое-кто даже предложил помочь и внести наш багаж внутрь.

Мужчина в серебряных доспехах выступил вперед. Его темные волосы поседели на висках и соответствовали цвету металла, защищающего его тело. На серьезном лице незнакомца появились морщины беспокойства. Он поклонился отцу:

– Добро пожаловать, Атон. Мы подготовили для вас комнату, чтобы вы могли немного отдохнуть после долгого путешествия. Могу я проводить вас?

Отец улыбнулся, как мог бы улыбнуться голодный лев.

– Конечно. – Он последовал за серебряным солдатом внутрь, не оглядываясь на своих дочерей.

Дом Солнца был трехэтажным, в то время как Дом Сумерек состоял из семи этажей. Построенный из точно ограненного серого камня, он поднимался из бесцветной земли и, казалось, нетерпеливыми пальцами касался мрачного, затянутого облаками неба.

Ко мне и Ситали подошла женщина, одетая в простое, но красивое серое платье.

– Атены, – поприветствовала она с поклоном. – Рада буду сопроводить вас внутрь.

Женщина выглядела не старше отца и, как и он, цеплялась за силу, которую давала молодость. Серебристые, ровно подстриженные волосы падали ей на плечи. Незнакомка была красива, с голубыми и добрыми глазами.

Я почтительно склонила голову, и мы вошли в Дом, оставив позади серые сумерки. Я полагала, что это снаружи темно, пока не вошла в холл без окон. Женщина повела нас к лестнице, по которой мы поднялись на верхний этаж. Когда мы добрались до вершины, Ситали тяжело дышала. Женщина явно заметила это.

– Люмин подумал, что вы оцените вид на небо, даже если оно отличается от того, что вы привыкли видеть в Гелиосе.

Как дура, Ситали пробормотала что-то грубое, и милая улыбка женщины исчезла.

– Я ценю проявленный жест, – заверила я.

Женщина посмотрела куда-то между нами и снова улыбнулась, прежде чем повести нас по коридору.

Ситали осматривала каждую дверь, мимо которой проходила, пока мы не достигли конца коридора. Женщина достала ключ из кармана платья, отперла дверь и распахнула ее, открыв нашему взору просторную комнату с абсолютно белыми стенами, отделанными золотом. У дальней стены стояла большая кровать с роскошным белым бельем, накинутым поверх балдахина. Небольшой письменный стол стоял перед одним из трех окон, лампа заливала маслянистым мягким светом стопку чистых пергаментов, лежащих на нем. Рядом с бумагой стояли небольшая баночка с чернилами и перо.

Ситали исчезла из виду в дверном проеме в центре правой стены.

– Мне подходит, – одобрительно сказала она, и ее голос эхом отозвался от стен помещения. Снова появившись в дверном проеме, она оперлась рукой о стену и взглянула на меня: – Отдельная ванная комната. – Сводная сестра распахнула дверцы платяного шкафа как раз в тот момент, когда внесли первый из ее тяжелых сундуков.

Женщина посмотрела на меня:

– Ваша комната находится напротив. Хотите взглянуть?

– С удовольствием, спасибо, – сказала я ей.

Мне очень хотелось бы оказаться подальше от моей избалованной сестры.

Ситали даже не заметила, когда я вышла из ее комнаты. Она уже открывала свой сундук, откидывая назад крышку. Огромный шкаф вполне мог лопнуть от всего, что она планировала в него запихнуть. Ситали прихватила с собой в два раза больше сундуков, чем я. Нарядные платья были ее доспехами, а она

готовилась к войне, которая разразится между нами в ближайшие дни или недели.

Женщина достала другой ключ и отперла дверь в мои покои. Я увидела более темное отражение комнаты Ситали. Моя ванная находилась у левой стены, но не это заставило меня остановиться. Помещение было невероятно красивым. В отличие от белой комнаты Ситали моя была смесью черного цвета и золота. Темнота и тепло. Разрушительное столкновение противоположностей.

Мне это импонировало.

– Вам нравится, Атена?

Я повернулась к женщине, запоздало вспомнив, что она все еще здесь.

– Это самая красивая комната, которую я когда-либо видела, – честно ответила я.

Ее плечи немного расслабились.

Моя большая кровать была задрапирована чередующимися полосами золотой и черной ткани, с соответствующими прозрачными панелями, зашнурованными вместе над балдахином. Деревянная рама кровати была выкрашена в темный цвет и контрастировала с золотыми виноградными лозами, детально прорисованными на стенах. Письменный стол и шкаф были выкрашены в том же стиле.

Я прошла в ванную комнату, поражаясь черному камню, которым были инкрустированы потолок, стены и пол. Отполированные до чиста камни под ногами были гладкими и холодными.

Шум снаружи заставил меня выйти из комнаты.

Сопровождающая указывала слугам, как разместить мои три сундука. Когда они положили их в указанные места и ушли выполнять другие поручения, женщина проводила их улыбкой.

– Я прикажу принести воды для вас и вашей сестры, – пообещала она.

– Подождите! Как вас зовут? – спросила я.

– Меня зовут Вада, Атена.

– А меня Нур.

Она выпрямила спину, встала почти царственно.

– Нам было велено в знак уважения называть вас «Атена».

– Тогда Атена Нур, – улыбнулась я. – Мою сестру зовут Ситали.

Прежде чем склонить голову, она взглянула на дверь комнаты моей сводной сестры.

– Я пошлю за водой и принесу вам что-нибудь поесть.

– Это было бы чудесно. Спасибо большое.

Она сделала быстрый реверанс, положила ключ от моей комнаты на ближайший к ней сундук и закрыла за собой дверь.

Я не стала распаковывать вещи. Вместо этого я подошла к окну и провела пальцами по прохладному стеклу. Моя комната была выше, чем платформа на вершине храма Сол. Достаточно высоко, чтобы широкая река стала выглядеть как небольшой ручей. С такой высоты даже наш корабль, все еще покачивающийся в том месте, где мы его привязали, выглядел совсем не впечатляюще.

Корабль люминанцев был очень похож на наш: тоже мог плавать на мелководье, а его бледные паруса были аккуратно убраны. Палуба их корабля сейчас была пуста, должно быть, они привезли даже больше, чем мы, раз им удалось обеспечить нам все эти удобства. Или эти вещи всегда были здесь, подготовленные для гостей?

В дверь тихо постучали.

– Войдите.

Появилась целая толпа мужчин и женщин, каждый из которых нес ведро с горячей водой. Они проходили прямо в ванную комнату, а опустошив свои ведра, незамедлительно выходили. Вада вернулась. Она принесла поднос с фруктами и хлебом, а также графин свежей воды.

– Спасибо вам... за все. Я не могу передать, как я счастлива принять долгую горячую ванну после почти четырех дней, проведенных в плавании.

Она рассмеялась, понимающе кивнула и вложила мне в руки какой-то пакетик и кусок мыла.

– Я принесла немного соли и кусок свежеприготовленного мыла.

От подарков исходил невероятно приятный запах. Присмотревшись к вещам в моих руках, я заметила пучки трав, застрявшие в куске мыла. Подобных запахов я не знала.

– Они собраны в Люмине, – объяснила Вада, увидев мое озадаченное выражение лица. – Это подарок. От меня.

– Спасибо.

Мое сердце сжалось. Пусть Вада и была совершенно незнакомым мне человеком, но она уже проявила доброту по отношению ко мне. Я никогда не ожидала встретить кого-то столь любезного на этом берегу реки.

– У меня не было возможности подготовить подарки. Мы уехали довольно внезапно, – призналась я.

Вада сжала руки.

– Атена, в Люмине подарки дарят не ради надежды получить что-то взамен.

Она была более любезна, чем я заслуживала.

– Спасибо, – повторила я, вдыхая восхитительный аромат мыла и соли.

Когда последнее ведро с горячей водой было опустошено, слуги вышли из моей комнаты, оставив меня с Вадой и заботливым подарком, который я держала в руках.

– Нужна ли вам еще какая-нибудь помощь, Атена?

– Нет, спасибо. – Я посмотрела на блюдо с едой. – Завтра мы устраиваем пир для твоего народа. Надеюсь, мы сможем приблизиться к той доброте, которую ты проявила в первый час нашего знакомства, Вада.

Она тепло улыбнулась и нежно взяла меня за руку.

– Этот поднос далек от пира, но надеюсь, что он утолит ваш голод. Хорошо отдохните, Атена Нур.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Ты тоже, – сказала я. Она мягко закрыла дверь комнаты с материнской улыбкой, которая еще долго отдавалась болью в моей груди после того, как шаги Вады затихли в коридоре.

Я оставалась в ванне до тех пор, пока моя кожа не покрылась морщинами, а каждый дюйм волос не был вымыт восхитительно пахнущим мылом. Соль облегчила боль в мышцах. Я отложила немного, чтобы при первой же встрече отдать Сароку, но не знала, где находились комнаты жрецов.

Кто-то положил толстые полотенца на скамейку в ванной комнате. Я завернулась в них, прежде чем найти ключ от своих сундуков и наконец отпереть их.

Развешивая привезенные с собой платья, попробовала сочные ягоды винограда и отпила свежей прохладной воды из серебряного кубка. Я заметила маленький ящик в нижней части шкафа и, открыв, обнаружила, что он пуст. Под ним ничего не было. Ничего спрятанного не нашлось и под матрасом или за изголовьем кровати. Я ощупала стены и потянула за канделябры, но не почувствовала ни дуновения воздуха и не нашла потайных ходов. Я была немного разочарована тем, что моя комната была именно такой, какой казалась.

Чтобы слиться с толпой, я надела самое простое плиссированное хлопковое платье яркого цвета речной травы. Я взгромоздилась на кровать и, расправившись с остатком винограда, намазала сливочный сыр на маленькую плетеную булочку и съела ее.

Мои глаза то и дело возвращались к окну. Серый цвет снаружи был таким же постоянным, как Сол в небе, но настолько другим, что было трудно не изучать его. Я передвинула письменный стол так, чтобы сесть на подоконник, и оставалась там, пока в комнату без предупреждения не вошла Ситали.

– Тебе следует запереть дверь.

– Зачем ты пришла?

Она посмотрела на мой поднос. Учитывая отсутствие удивления на ее лице, я предположила, что она получила точно такой же. Я провела руками по своим все еще влажным волосам, пока сводная сестра критически оглядывала комнату. Я развесила всю одежду, спрятала сандалии под шкаф, закрыла сундуки и, как могла, расставила их вдоль стены.

– Я предпочитаю бело-золотое оформление моей комнаты, – надменно сказала она.

– А мне больше нравится сочетание черного с золотом, – возразила я.

– Что это так вкусно пахнет? – спросила Ситали, принюхиваясь, когда подошла ближе. – Это ты! – обвиняюще заявила она, догадавшись. – У твоего мыла был аромат?

Я закатила глаза. У нее всегда находился повод оставаться недовольной.

– Ревность никогда не была тебе к лицу, Ситали.

Ее темно-серые глаза сузились, и она скрестила руки на груди.

– Я собиралась предложить тебе небольшое приключение, но если ты слишком занята, балуя себя...

Во мне разгорелось любопытство.

– Какое приключение?

– Отец открыл несколько бутылок вина, а танцовщицы принарядились. Он пригласил Люмина присоединиться к нему и посмотреть, как они танцуют.

У меня закружилась голова. Я улыбнулась сводной сестре и спрыгнула с подоконника.

– Пошли. – Я остановилась на полпути через комнату. – Подожди-ка. Как ты узнала об этом, Ситали?

– Золото, – сказала она с улыбкой, похожей на оскал. – Оно всегда помогает получить нужную информацию. Главное, понять, кто все знает и при этом не откажется получить выгоду от своих знаний.

Я указала на ее прекрасное платье:

– Тебе нужно одеться попроще, если мы собираемся слиться с толпой.

Она усмехнулась, придерживая подол своего наряда.

– Это самое простое платье из тех, что я привезла.

Я покачала головой и махнула рукой в сторону своего шкафа. Сестра вытащила оттуда простое серое платье.

– По крайней мере, я буду соответствовать цвету воды, земли и неба в этом забытом пустынном месте, – надулась она, быстро переодеваясь.

Я положила ее нарядное платье на свою кровать и подождала, пока она выйдет, чтобы запереть дверь. В этом Ситали была права. Я опустила ключ в маленький карман, спрятанный вдоль шва моей юбки.

Мы спустились вниз, на второй этаж, где Ситали потащила меня по коридору. На секунду ее прикосновение показалось странным, как будто мы снова были детьми, тогда, когда ее кипящая ненависть ко мне еще не разгорелась. В детстве мы балансировали на грани невинности и осознанности, иногда все же оставаясь просто сестрами.

Временами я скучала по тем дням, но в глубине души знала, что они давно прошли. Мимолетные воспоминания тех мгновений скоро исчезнут, когда мы встретимся лицом к лицу как настоящие враги.

С первого этажа доносились музыка и смех. Мы с Ситали шли по коридору, пока он не сузился и одна стена не исчезла, открыв декоративные балюстрады, выходящие на большую комнату внизу. Люстры с таким количеством свечей, которое я не видела раньше, заливали золотистым светом всех собравшихся.

Отца я заметила сразу же. Зуул молча стоял рядом, оглядывая толпу. Его взгляд устремился вверх, туда, где стояли мы с Ситали, и я поспешно нырнула обратно в коридор, чтобы остаться незаметной.

Ситали рассмеялась, положив руку на грудь.

– Как он всегда умудряется все заметить? – спросила она.

– Не знаю, но мне бы хотелось, чтобы он этого не делал, – ответила я, нервно и взволнованно рассмеявшись.

Мы присели на корточки и принялись наблюдать, как музыканты бренчали, барабанили и ласкали свои мизмары[1 - Мизмара – духовой музыкальный инструмент.] в непринужденной, чарующей мелодии. Вино лилось по кругу. В комнате царил легкая, веселая атмосфера. Все собравшиеся улыбались. Рядом

с отцом и его охраной я заметила несколько слуг, которых раньше видела в Доме Солнца.

Сарик и Киран не присутствовали, но не было и...

- Ты видишь его? - спросила Ситали.

Никто не сидел на таком же широком стуле, как у отца.

- Может, он еще не приехал, а может, отошел куда-то на минутку.

- Этот широкий трон здесь не просто так. Он точно придет, - вздохнула она, вцепившись в толстые каменные балюстрады. - Мне нужно подойти поближе. - Ее глаза вспыхнули, когда она приподнялась. - Жди здесь.

- Куда ты?

- Хочу найти лучший угол обзора, - отрезала сводная сестра.

Конечно, Ситали всегда была такой. Вот и в этот раз она хотела оставить меня позади. Она пошла обратно по тому же пути и поднялась по лестнице, которая вела на второй этаж. Через несколько минут я снова увидела сводную сестру, но ее лицо и голова были прикрыты накидкой. Она устроилась среди слуг и схватила две бутылки вина, лавируя между гостями и наполняя их бокалы. Никто не обращал на нее никакого внимания. Я должна была отдать должное ее находчивости. Это был смелый шаг - пройти среди приглашенных, оставаясь невидимой.

Мне нужно было сделать что-то столь же смелое.

Я повернулась, чтобы посмотреть в конец коридора, когда оттуда донеслось хихиканье. Танцовщицы хлынули из соседней комнаты в холл, остановившись на лестнице, чтобы взглянуть вниз. Одетые в откровенные наряды с красочными вуалями, прикрывающими нижнюю половину лица, они могли похвастаться подтянутыми мышцами и сияющей кожей.

Девушки заметили меня и вытянулись по стойке «смирно», кланяясь и опуская глаза в пол. Последняя танцовщица вышла из комнаты, закрыла дверь и достала ключ, чтобы запереть ее. Кончики ее длинных блестящих черных волос касались поясницы.

- Подожди! - поспешно крикнула я, прежде чем девушка вставила ключ в замочную скважину.

Она повернулась, широко раскрыв глаза:

- Афина...

Танцовщица была старше, чем я думала. Скорее всего, ей было за тридцать, но она все еще оставалась невероятно красивой. К тому же женщина могла похвастаться телом хорошо обученной танцовщицы.

Отчаяние пронзило мои вены. Это было глупо и безрассудно, и... Я никогда не хотела ничего больше, чем перестать быть собой всего на несколько минут. Чтобы повеселиться, не имея веса титула Афины или ее ореола, давящего на мою голову.

- Мне нужна твоя помощь.

Я повернула ручку и открыла дверь, жестом приглашая ее вернуться внутрь. Перед тем как закрыть комнату, женщина велела другим танцовщицам подождать ее.

- Чем я могу вам помочь, Афина?

- Мне нужно спрятаться. Выглядеть... одеться... как ты.

Она нахмурила свои широкие брови.

- Афина... не уверена, что это разумно...

- Мы с сестрой... нам нужно увидеть Люмина. Мой отец убьет меня, если я нагло войду в комнату, но под видом одной из вас я могу это сделать, и он даже не

заметит.

Она фыркнула от смеха, хотя в моих словах не было и доли юмора.

– Он убьет меня, если вас обнаружат. Я не могу так рисковать, Атена. Мне очень жаль.

Она снова повернулась, чтобы уйти.

– Пойдемте. Там есть небольшое местечко в тени, где вы сможете остаться и понаблюдать.

Я покачала головой и попыталась выразить свое отчаяние.

– Мой отец не убьет тебя, потому что я не совершу ошибки. Я умею танцевать. Он никогда не догадается. Я буду держаться подальше от него, в тени, и уйду при первых признаках опасности – если таковая возникнет.

Она покачала головой и открыла рот. Я знала, что еще один отказ готов был сорваться с ее языка.

– Пожалуйста, – добавила я, обращаясь к ней с мольбой.

– Почему вам так важно увидеть Люмина?

– Одна из нас может выйти за него замуж, – сказала я.

Глаза женщины заблестели, когда она осознала смысл моих слов и их последствия. Вспоминая слова Ситали, я сняла с запястья золотой браслет и подняла его в воздух.

– Не рассказывай никому.

Она схватила свой приз, надела его и протянула руку, чтобы полюбоваться им.

– Так вы умеете танцевать? – спросила она, оценивая меня пронизательным взглядом.

Я кивнула.

– Насколько хорошо?

– Достаточно.

– Уж лучше, чтобы это оказалось правдой, – усмехнулась она. И уже шепотом добавила: – Ради нашего с вами блага.

После чего танцовщица приказала мне раздеться.

8

Кеви помогла мне надеть танцевальный костюм с шелковыми вставками глубокого бирюзового оттенка, которые, как я представляла, напоминали самые темные глубины океана. На моих бедрах и ногах слоями лежала прозрачная ткань.

– Вставки облегчают движения, – отметила она, немного туже затягивая пояс, усеянный маленькими серебряными дисками. – Готовьтесь стать музыкантом, когда будете крутиться и покачивать бедрами, – поддразнила танцовщица.

Мой живот и большая часть спины были обнажены. Маленький топ стягивал и приподнимал грудь.

– Вам идет, – заметила Кevi, поправляя мою вуаль. – Хотя не уверена, что танцор может позволить себе солнечные бриллианты.

Я приподняла бровь, глядя на женщину:

– Эти я все же оставлю себе.

Ручной и ножной браслеты принадлежали моей матери, и я никогда их не снимала. Даже если бы захотела, не смогла бы.

Золото не сломать.

Кеви рассмеялась и невинно захлопала глазами.

– Я ни на что не намекала.

А-то как же.

– Все готово. Надеюсь, вы знаете, как двигаться, и сумеете не отставать от моих девочек.

Я усмехнулась про себя.

Кеви вдвое старше меня! Конечно, я смогу за ней угнаться. По крайней мере, я так думаю...

Она вышла из комнаты, покачивая бедрами так, будто была хозяйкой Дома Сумерек. Мой толстый золотой браслет блестел на ее запястье. Заперев за собой комнату, мы присоединились к остальным танцовщицам.

– Ни слова об этом, или тут же окажетесь на улице, – щелкнула пальцами Кеви. – Вам понятно? – спросила она тоном, не терпящим возражений.

– Да, Кеви, – хором ответили девочки. Некоторые по привычке поклонились.

– Прекратите! – сделала выговор Кеви. – Ведите себя так, будто она одна из нас, пока мы не закончим выступление.

Вопрос «Почему?» отражался в их глазах, но рука Кеви успокаивающе опустилась мне на спину:

– Не обращайтесь на них внимания. Вы не обязаны им что-то объяснить.

Хмм. Может, мне не стоило отдавать браслет. Я могла бы просто приказать ей подчиниться. Только я ненавидела использовать свою власть, чтобы подавлять других. Кеви же при удобном случае стала бы валуном, раздавив без единой мысли тех, кто оказался под ней.

Ведущая танцовщица повела девушек вниз по лестнице. Внизу она подтолкнула меня в бок локтем.

– Оставайтесь возле этой лестницы. Если что-то покажется вам странным, подниметесь по ней и найдете место, где можно спрятаться. Если возникнут проблемы, мы с девочками будем держаться в стороне, – предупредила она.

Я кивнула:

– Хорошо.

Она подмигнула, игриво хлопнув меня по руке:

– Тогда давайте посмотрим, насколько хорошо вы умеете танцевать, Атена Нур.

Кеви выскользнула из толпы женщин и неторопливо направилась к пустому месту в зале. Она подошла к музыкантам и с широкой кокетливой улыбкой на алых губах наклонилась, чтобы поговорить с ними. Кеви была единственной танцовщицей, которая не утруждала себя вуалью. Еще некоторое время она кокетничала с ними, прежде чем отойти, чтобы поклониться своему Атону.

Он окинул ее одобрительным взглядом. Желчь подступила к моему горлу.

Женщины, покачивая бедрами, вошли в комнату. Каждая склонилась перед моим отцом, прежде чем разойтись в разные стороны, чтобы занять как можно больше свободного пространства, оставленного специально для них. Я не сдвинулась с места из своего темного укрытия возле лестницы.

Я не могла подойти слишком близко к отцу, иначе он узнал бы меня по глазам.

Я не видела Зуула, но было глупо надеяться, что он покинул комнату и оставил своего Атона без охраны.

Поток поразительно прохладного воздуха заставил кожу на моих руках покрыться мурашками за мгновение до того, как кто-то подошел и встал рядом со мной. Парень был на голову выше меня, с аккуратно подстриженными иссиня-черными волосами, которые, как я представляла, напоминали легендарное ночное небо.

- Ты получила травму? - спросил он, и его кристально-голубые глаза сверкнули так, как, я думала, могут сверкать только звезды.

- Прошу прощения? - уточнила я, уже забыв его вопрос.

- Травма. Ты получила травму? - снова спросил незнакомец, и его губы изогнулись в улыбке. Его голос был неожиданно глубоким и хриплым. - Почему тогда ты не танцуешь с остальными? - спросил он, кивая в сторону танцовщиц.

- Я как раз собиралась. Просто я... я новенькая.

Его присутствие заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке, как будто мир каким-то образом накренился. Может, с землей все было в порядке, и это только меня вывели из равновесия.

- Ах, понятно.

Его нос был идеально прямым, и я гадала, сможет ли он понять, что мой был когда-то сломан. Его челюсть была квадратной и сильной, а поза жесткой и уверенной, пока он оглядывал комнату.

Я с удивлением поняла, что блаженный холод... исходил от него.

Интересно, как незнакомцу, одетому в темно-синюю тунику, демонстрирующую выпуклые мышцы, удавалось создать такой мороз?

Я осознала, насколько он отвлек меня, только когда Кеви начала говорить. Я неохотно оторвала взгляд от парня, когда главная танцовщица поклонилась собравшейся толпе, прежде чем объяснить, что танцы, которые мы собирались исполнить, были больше, чем просто развлечением. В Гелиосе каждый танец рассказывал историю; его словами были движение и сила, плоть и огонь.

Я посмотрела на пустое место рядом с отцом.

- Ты тоже его ищешь? - спросил невозмутимый незнакомец.

Мои глаза снова встретились с его.

- Ты здесь, чтобы увидеть Люмина? Разве ты не из местных? Почему же тогда не знаешь, как он выглядит?

- Я знаю, - сказал он, еще раз улыбнувшись.

Я удивленно открыла рот:

- Ты один из его охранников?

- Что-то в этом роде, - согласился незнакомец.

- Тогда где же он?

Смуглый парень выпрямился. Казалось, от моего вопроса ему стало некомфортно. Куда же делась его напускная смелость?

- Он старый? - выпалила я, когда начался барабанный бой.

- Старый? - усмехнулся мой собеседник.

- Я ничего не знаю о Люмине, кроме тех слухов, что ходят по Гелиосу.

- Каких слухов?

Я покраснела.

- Не хочу их повторять.

Он рассмеялся и скрестил руки на груди.

– Вероятно, не стоит.

– Я должна идти, – сказала я, оглядываясь на танцующих.

Нахмутив брови, незнакомец медленно потянулся к моему запястью. Его пальцы были холодными, как лед, и он резко вдохнул, почувствовав жар моей кожи, но все же не отпустил меня.

– Разве это не солнечные бриллианты? Сразу после прибытия Атон принес такие же в подарок Люмину сегодня днем. Я думал, что только Атон и Атены могут их носить. Люмину пришлось надеть перчатки, чтобы просто прикоснуться к ним...

Мое сердце бешено заколотилось, и я поспешно отдернула запястье.

– Я должна присоединиться к остальным, – пробормотала я, бросаясь прочь, когда чувственный ритм заполнил комнату. У меня кружилась голова. Я не знала, что отец встречался с Люмином сегодня днем и что его охранник был настолько внимательным. Не то чтобы Зуул не делал то же самое для отца. Тем не менее лучше, если он больше не увидит солнечные камни.

У меня не было времени беспокоиться об этом. Мне нужно было следить за танцем, чтобы не совершить еще одну ошибку.

Дым, исходящий от трав и благовоний, объединился в пьянящий аромат. Воздух затуманился, и танец начался медленно, постепенно нарастая. Плотина внутри меня прорвалась, и я стала не более чем телом, подвластным музыке и ритму. Своими движениями я рассказала историю нашего народа, историю Сол. Скрытая вуалью, я была свободна и танцевала так, как никогда раньше не осмеливалась, будто каждый шаг, покачивание и наклон могли стать последними. Когда песня закончилась, тяжело дышащая и покрытая каплями пота, я оглянулась на темный маленький угол. Скрывался ли в его тени охранник Люмина? Я надеялась, что он видел мой танец и наслаждался открывшимся ему зрелищем.

Я была бы не первой женщиной, которая использовала свое тело в качестве оружия. Мои надежды рухнули, когда обнаружила, что в углу никого нет. Я повернула голову – сиденье рядом с моим отцом больше не пустовало.

Живот свело, и я почувствовала подступающую тошноту, когда увидела уже знакомое лицо. Я схватилась за живот и бросилась к лестнице. Торопливо поднимаясь по ней, споткнулась о шелковую юбку. Кевин заметила мой побег и бросилась следом.

Музыка снова заиграла, но уже без нас двоих. Мое отсутствие, возможно, и не привлечет внимания, но отсутствие Кевина, безусловно, заметят все. Она ведь вела танцующих.

- Афина? - прошептала она, поймав меня в коридоре рядом с ее комнатой.

Женщина поспешно отперла дверь своей комнаты и втолкнула меня внутрь. Дрожащими руками я сорвала с себя наряд и натянула обратно свое простое платье. После чего я наклонилась, чтобы подобрать одежду с пола. Кевин схватила меня за руки.

- Вы в порядке? Вам грозит опасность?

- Нет, - задыхнулась я. - Просто подумала, что разумнее уйти прежде, чем наша удача иссякнет. Моя вот, например, всегда заканчивается.

Танцовщица нахмурила густые брови:

- Вы уверены?

- Даю тебе слово, Кевин. Отец ни о чем не догадывается. Мои нервы просто взяли надо мной верх. - Я попыталась рассмеяться. - Мое сердце выпрыгивает из груди.

Она немного расслабилась, все еще сжимая мои руки.

- Полагаю, вам не выпадало шанса просто побыть девушкой.

- Нет, - призналась я. - То, что я только что сделала, было невероятно волнительно. Это самая страшная и в то же время самая смелая вещь, которую я когда-либо делала. И возможно, самая глупая.

Услышав это, Кеви усмехнулась:

– Если с вами действительно все в порядке, я должна вернуться. Кто-нибудь обязательно придет искать меня.

Я кивнула:

– Я пойду в свою комнату. Спасибо за помощь, Кеви.

Она подмигнула, позвеневав браслетами на своем запястье, среди которых был и мой.

– Мне было очень приятно.

Когда я вернулась, Ситали ждала меня на лестничной площадке седьмого этажа. Она оттолкнулась от стены, к которой до этого прислонялась.

– Куда ты ушла? – спросила она, подозрительно прищурившись.

– Нашла потайную лестницу и хотела посмотреть поближе, – солгала я. – Но это не сработало. Танцующие девушки загородили мне весь обзор.

Сводная сестра усмехнулась:

– Какая незадача.

– Ты видела его?

Ситали приподняла идеальную бровь:

– Конечно, видела.

– Как же он выглядит?

Мое сердце колотилось так, словно я все еще танцевала. Ведь я точно знала, как выглядит Люмин. Кроме того, я слышала глубокий звук его голоса, силу, скрытую под его одеждой, его прохладный, чистый запах. Я знала, какой холод от него исходил, знала мягкое прикосновение его руки.

– Скоро сама увидишь, – поддразнила Ситали, возвращаясь в свою комнату. Она закрыла за собой дверь только после того, как бросила жесткую ухмылку через плечо.

Я достала ключ из кармана и отперла свою комнату, позволяя темноте и золоту окружить меня. Почему-то это успокаивало. Не девственная, белая и совершенная комната, а истинное отражение моего сердца и всех его темных сторон.

Я опустилась на мягкую кровать и, подтянув колени, обняла их.

Парень, который, как я думала, был охранником Люмина, оказался кое-кем другим.

Парень с глазами цвета звезд и был Люмином.

Более того, он знал, кто я и что я выдавала себя за танцовщицу, чтобы увидеть его.

Люмин знал мой голос, видел мои глаза и форму колец, которые мать надела на меня в детстве и которые невозможно было снять. Он почувствовал мой жар и видел, как я танцую.

Я опустила голову на колени.

Мне хотелось бы умолять Сол, просить ее вмешаться и запретить Люмину рассказывать о произошедшем отцу, но между нами было слишком большое расстояние. Кроме того, я не была уверена, что богиня поможет мне, даже если я буду держать ее в своих руках.

Мне оставалось только надеяться, что Люмин – таинственный незнакомец – сохранит мой секрет.

9

В дверь осторожно постучали как раз перед тем, как прозвучал приглушенный голос Вады:

– Атена Нур, пришло время подготовиться к новому дню. Люмин попросил вас присоединиться к нему за завтраком этим утром.

Я подскочила, пробираясь сквозь путаницу одеял, сковавших мои ноги, и бросилась к двери. Хмурая Ситали стояла на пороге своей комнаты, но через секунду с рычанием захлопнула дверь. Вада выглядела озадаченной.

– Не обращай на нее внимания, – успокоила я. – Она злится, когда голодна.

– О, я могу прислать ей немного еды, если это поможет, – любезно предложила женщина, подходя со мной к шкафу.

– Если бы только это помогло, – пробормотала я себе под нос.

– Вы что-то сказали?

Я улыбнулась:

– Мне просто интересно, кого еще пригласили позавтракать с Люмином этим утром.

Глаза Вады заблестели:

– Приглашены только вы, Атена Нур.

Мое сердце тревожно сжалось. Я расправила плечи. Взгляд Вады остановился на моем горле, и она в изумлении приоткрыла рот. Игнорируя вопрос, написанный на ее лице, я поспешила сменить тему:

– Что мне лучше надеть?

Она указала на висящие платья:

– Могу я выбрать?

Я кивнула. Вада внимательно просматривала наряды, которые я привезла с собой, решая, что может подойти для такого простого мероприятия, как завтрак.

– Мой отец знает об этом приглашении?

Она поморщилась:

– Извините, Атана Нур, но мне точно не известно.

Я улыбнулась и пожала плечами:

– Ничего страшного. Я спросила из чистого любопытства.

Ее взгляд на секунду задержался на моем горле, но, к счастью, она ни о чем не спросила.

Вада остановила выбор на бледно-золотом платье с высоким вырезом и длинной юбкой. Оно было довольно облегающим, но милым.

– Это платье вполне подойдет, – все, что сказала Вада, отталкивая остальные наряды, чтобы я могла лучше оценить ее выбор.

Я кивнула и, пока она рылась в ящиках в поисках светлого корсета, достала платье из шкафа.

– Спасибо за помощь, Вада.

Она по-матерински улыбнулась и принялась застилать кровать, советуя мне отправиться в ванную комнату, чтобы подготовиться.

Я расчесала спутанные ото сна волосы, нанесла пудру на горло в слабой попытке скрыть фиолетовые и зеленые синяки и провела зубами по ране, пересекающей мою нижнюю губу. Бессильная что-либо с этим сделать, в конце концов я сдалась. Придется придумать правдоподобную ложь о их появлении, так как никакая пудра не была в силах мне помочь.

Из изящного золотого горшочка я нанесла мерцающий блеск на щеки, а затем быстро переоделась. Вада ждала в моей теперь уже прибранной комнате. Помещение выглядело таким же нетронутым, как и в тот момент, когда я впервые вошла сюда.

Она протянула мне пару золотых сандалий. Застегнув их, я выпрямилась. Женщина обошла меня вокруг, осматривая мой наряд. Ее глаза казались мне самыми пронизательными на свете.

– Люмин, скорее всего, ждет. Нам пора идти.

Я хотела спросить, как я выгляжу, но боялась, что Вада подумает, будто я напрашиваюсь на комплименты или беспокоюсь о том, что может подумать обо мне их правитель. Вслед за ней я вышла из комнаты. Она заперла за нами дверь и повела меня вниз по винтовой лестнице на первый этаж. Мы прошли мимо зала, где я танцевала прошлой ночью, а также мимо такого большого количества комнат, что я вскоре сбилась со счета.

В конце концов мы покинули Дом Сумерек и вошли в небольшой сад с видом на реку. Вода в ней была серебристой, отражая приглушенное небо. Я повернулась, чтобы поблагодарить Ваду за ее помощь и за то, что она показала мне дорогу, но женщина уже ушла.

– Доброе утро, – сказал Люмин, вставая, чтобы поприветствовать меня.

Легкая, понимающая улыбка заиграла на его губах.

Несколько мгновений мы стояли, изучая друг друга. Наши глаза встретились.

– Ты не охранник, – заметила я, нарушая неловкое молчание и решив встретиться лицом к лицу со своим страхом.

– А ты не танцовщица.

Я направилась к своему месту. Он бросился ко мне и пододвинул стул, сорвав неловкое «спасибо» с моих губ. После чего Люмин устроился напротив меня.

Прошлой ночью он не показался мне жестоким человеком, но я знала, что лучше не спешить с выводами. Ведь хорошим людям не нужно прятаться в тени.

Я потягивала воду из своего стакана, пока он сидел совершенно неподвижно, наблюдая за каждым моим действием. Хотя Люмин все еще излучал уверенность, мышцы были напряжены. Его плечи были шире, чем казались в темноте танцевального зала, да и сам Люмин был выше, чем я помнила. Он явно побрился. Его темные волосы контрастировали с белоснежной рубашкой, которую он носил.

Казалось, этого парня вполне устраивало сложившееся между нами молчание, но тишина заставляла меня нервничать. Я недостаточно хорошо знала Люмина, чтобы без слов определить его настроение, поэтому заговорила первой:

– Почему ты пригласил меня на завтрак?

– Почему ты выдавала себя за танцовщицу прошлой ночью?

Я скрестила руки на груди.

– Ты знаешь почему. Я хотела увидеть тебя.

– Ради простого любопытства?

– Да. – Долгая пауза. – Так почему ты прятался?

– Мне нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

– И понаблюдать за моим отцом, когда тебя нет рядом? – выпалила я.

Пойманный с поличным, он ухмыльнулся:

– Я беспокоюсь о своих людях. Эти переговоры важны для них. Мне нужно увидеть, искренен ли Атон.

– Он подарил тебе солнечные бриллианты. Разве это не купило твою преданность и привязанность? – поддразнила я, прижимая руку к груди.

Люмин наклонил голову, вероятно, задаваясь вопросом, правильно ли расслышал саркастический тон, который я использовала.

– Боюсь, чтобы заработать мою преданность, потребуется гораздо больше, чем горсть блестящих камней.

Он скользнул взглядом по моим губам, затем ниже. Заметив синяки на моей шее, он напрягся и медленно нахмурился.

– Афина, почему у тебя синяки на шее? Что-то случилось прошлой ночью?

– Нет, – сказала я, выпрямляясь, когда появились двое слуг с тарелками, наполненными горячим хлебом, свежими фруктами и шипящими кусками приготовленного мяса. Они расставили угощения между нами, а затем молча удалились. – Несмотря на мою грациозность в танцах, я могу быть довольно неуклюжей.

Выражение его лица смягчилось.

– Я вижу отпечатки пальцев, которые ты пыталась скрыть. И рассеченную губу тоже сложно не заметить.

Ярость наполнила все мое существо.

Я злилась на отца за то, как он пометил меня.

За то, что Люмин мог это видеть. За жалость на его лице. В жалости я точно не нуждалась.

Мне захотелось воткнуть в столешницу нож, чтобы доказать собственную силу. Мои пальцы медленно потянулись к тому, что лежал рядом с моей тарелкой. Мои руки дрожали от захлестнувшей меня ярости. Чтобы успокоиться, я схватилась за край стола и не отпустила его, даже когда мои пальцы загудели и начали гореть. От того места, где я схватилась за дерево, поднялась струйка дыма.

Люмин, заметив это, с любопытством склонил голову набок:

– Что это было?

Я сделала глубокий вдох и убрала руки со стола.

Смутившись, я поняла, что оставила следы на дереве.

– Ничего особенного. – Я промокнула салфеткой обугленные отпечатки пальцев и прочистила горло. – Приглашая меня к завтраку, ты планировал снова и снова говорить о моих несовершенствах? – беззаботно спросила я, наполняя свою тарелку.

Люмин удивленно приоткрыл рот:

– Во-первых, я еще не заметил в тебе ни одного несовершенства. А во-вторых, откуда ты знаешь, что я вообще об этом думал?

– Потому что ты приложил к этому максимум усилий и потому что я сижу напротив тебя, пока моя сестра дымится от ярости в своей комнате.

Он рассмеялся, и этот звук был почти столь же поразительным, сколь и величественным.

– А ты бодрись, Атена.

Никто раньше не считал меня бодрящей. Интересно, почему он выбрал именно это слово? Я сунула виноградину в рот.

- Спасибо, Люмин.

Он застонал и провел рукой по своему привлекательному лицу.

- Разве титулы не утомляют?

- Тебе не нравится быть Люмином?

Я буду очень рада исправить это и избавить тебя от титула, который ты находишь таким утомительным.

- Мне нравится, - быстро ответил он, наполняя свою тарелку мясом и хлебом. - Просто... Могу я быть откровенным?

- Очень на это надеюсь.

Он ухмыльнулся:

- Уверен, твой отец объяснил, что я планирую заключить союз с Гелиосом.

- Имеешь в виду, что готов выбрать невесту из Гелиоса? А точнее, либо меня, либо мою сестру.

Его щеки покраснели, и я не смогла сдержать улыбки.

- Да, но только если одна из вас будет согласна и только если ваш отец серьезно относится к союзу. Не говоря уже о том, что этот брак может принести нашим королевствам.

Я чуть не спросила, что было бы, реши мы с сестрой, что нам обоим интересно стать его застенчивой невестой. Просто чтобы посмотреть, как Люмин выкрутится, но он продолжил:

- Если хотим узнать друг друга, нужно выйти за рамки наших титулов и перейти к другим, более насущным вещам.

Я прожевала кусочек хлеба и сделала глоток воды, размышляя, о каких насущных вещах он говорил и как получить необходимую мне информацию...

– Называй меня просто Келум. И если позволишь, я хотел бы называть тебя просто Нур.

– В присутствии моего отца тебе лучше обращаться ко мне «Атена Нур», – предупредила я. – Отец ценит титулы почти так же сильно, как солнечные бриллианты.

Келум кивнул:

– Я буду осторожен рядом с другими, но наедине можем ли мы называть друг друга по имени?

Его глаза сверкали, но не так, как прошлой ночью. Этим утром в них мерцала серебристая надежда.

– Хорошо, – смягчилась я.

Он предложил нам сблизиться как можно скорее, отказаться от титулов и попытаться быть самими собой. За такой короткий промежуток времени я добилась того, что, как я думала, смогу сделать еще не скоро. И что более важно – я оказалась на шаг впереди Ситали. Мне стало интересно, как выглядит корона лунного света, затем представила, как ее носит Келум. Его темные волосы выделялись на фоне светящегося серебра, голубого, как его глаза. Я представила, как срываю реликвию с его головы и бегу так быстро, как только могу, обратно к Гелиосу и Сол.

– Ты планируешь встретиться с моей сестрой сегодня?

Он выглядел смущенным.

– Я пригласил ее на обед.

– Ты определенно не теряешь времени даром, Келум.

При звуке его имени зрачки Люмина расширились.

– Ради блага наших королевств нам не позволено тратить время впустую, Нур.

Мое имя он произнес более глубоким голосом. От этого тона у меня по спине побежали мурашки. Я вдруг обрадовалась, что мы отказались от наших титулов.

– Я так понимаю, твой отец не знает, что ты пробралась на праздник прошлой ночью?

Я покачала головой.

– Не знает, и надеюсь, никогда не узнает, – сказала я многозначительно.

Келум улыбнулся и провел своими пальцами по моей руке, что все еще лежала на столе.

– Спасибо, что доверила мне свой секрет.

Я пожала плечами, убирая руку:

– У меня нет другого выбора.

Люмин снова рассмеялся, покачав головой. Непонятно, что смешного он нашел в моих словах.

Медленно Келум вернул серьезное выражение лица.

– Если я сохраню твой секрет, можешь сберечь мой? Я тоже шпионил.

– Полагаю, это справедливо.

– Спасибо. Ты... – Он замолчал, смущенно улыбнувшись. Темные тени от ресниц затрепетали на его щеках.

– Что такое?

– Ты совсем не такая, какой я себе представлял. И твоя кожа невероятно горячая. Я имею в виду, на ощупь. Очень теплая. И мягкая. И красивая. Ты обладаешь воинственной красотой. – Он застонал. – С каждым словом я только все усложняю. – Щеки Люмина снова порозовели, когда он улыбнулся.

Настала моя очередь смеяться.

– Моя кожа не горячая, просто твоя ледяная.

Он усмехнулся и следующие несколько минут развлекал меня рассказом о своем четырехдневном путешествии вверх по реке. Хорошее настроение отражалось в его тоне и жестах. Сразу после отправления река начала замерзать, и Люмин не был уверен, что им удастся добраться до места. Я не могла представить, что лед способен сковать такую бурлящую силу. Честно говоря, я просто-напросто не знала, как выглядит лед. Когда я спросила, Келум описал его как «холодный» и «стеклянный» и сказал, что при нагревании он превращается в воду.

– В моем королевстве, Нур, ты могла бы растопить горы, – сказал он игривым тоном.

Для меня было неясно, неприятна ли ему мысль о том, что я могу разрушить его королевство, или ему понравилось бы видеть, как оно растворяется.

– Не думал пригласить меня туда? – поддразнила я.

– Я представлял тебя и Ситали там, хотя понятия не имел, какая ты на самом деле.

– Даже если мы можем растопить горы? Неужели ты так легко готов отказаться от них?

Он снова рассмеялся. Звук шел от его подтянутого живота.

– Сами горы сделаны из твердого камня, но они покрыты снегом и льдом. Мы рискуем не горами, только их ледяным покровом.

– И откуда ты знаешь, что я не смогла бы растопить и твердый камень в придачу?

Он добродушно покачал головой и усмехнулся:

– Если кому-то и дано это сделать, думаю, это должна быть ты, Нур.

Я не была уверена, что он имел в виду, но блеск в его глазах казался мне знакомым. Внезапно я задалась вопросом, был ли его темперамент таким же ледяным, как я первоначально думала. То, как он дразнил меня и смеялся, заставляло меня думать, что он может мне понравиться.

– Хотелось бы мне провести с тобой больше времени, но я должен встретиться с твоим отцом и жрецами Сол.

Киран встретится с Келумом. Мне было интересно, что он подумает и что Сарик интуитивно поймет из разговора между Атоном и Люмином. Хотела бы я присутствовать при этой встрече, чтобы услышать условия сотрудничества между нашими королевствами.

– Спасибо за завтрак. – Я отодвинулась от стола, и Келум тут же оказался рядом, чтобы, протянув руку, помочь мне встать.

Я вложила свою ладонь в его. Прохладная кожа Люмина успокаивала мои разгоряченные пальцы. Когда моя салфетка соскользнула на землю, он увидел обугленные отпечатки моих пальцев.

Люмин ухмыльнулся, затем рассмеялся, сжав мою руку, прежде чем отпустить ее.

– Нур, растопительница гор. Даже у дерева нет ни единого шанса против твоего сияющего огня.

Я снова отдернула руку и спрятала ее за спину. Я не привыкла, чтобы ко мне прикасались.

– Ты уже прогулялась по округе? Место довольно необычное. Цвета здесь такие мрачные, – заметил он.

Мрачные. Я чуть не фыркнула. Люмин явно преуменьшил угрюмость здешних мест. Тем не менее окрестности Дома Сумерек отличались от Гелиоса. Их стоило увидеть уже потому, что, возможно, я никогда больше сюда не вернусь.

– Тогда я, пожалуй, прогуляюсь. Нужно оценить уникальность этой депрессивности. Запечатлеть ее в памяти.

Он кивнул, прикусив нижнюю губу.

– Увидимся вечером. Оставишь для меня танец?

Озорной огонек блеснул в его кристально-голубых глазах. Тусклый серебристый свет почти заглушал синий, прятанный там, в глубине.

– Возможно, – поддразнила я, изогнув бровь.

Ему явно было нелегко уйти. Прошлой ночью мы встретились совершенно не так, как было запланировано. Это одновременно пугало и заставляло трепетать от волнения.

Теперь я знала, что произвела такой же эффект на Келума. Сначала он пригласил меня позавтракать, а затем, очевидно, наслаждался временем, которое мы провели вместе. Он не хотел уходить.

Я лукаво улыбнулась.

Келум остановился у двери и обернулся, подняв руку. Я помахала в ответ. От этого жеста солнечные бриллианты на моем запястье зазвенели. Теплое чувство поселилось в моей груди. Когда он исчез в Доме Сумерек, я повернулась, чтобы отправиться на прогулку. Хорошо было провести немного времени на свежем воздухе, а заодно ознакомиться с окрестностями.

Дома я обычно отправлялась в дюны, к месту ее упокоения. Я сидела там и рассказывала маме о своей жизни, делилась секретами и мыслями, которые

больше некому было доверить. Дюны были тихим местом, и только там я могла побыть одна. В Гелиосе не было места, чтобы спрятаться. Мало кто мог выдержать давящую жару, не говоря уже о раскаленном песке. В дюнах же было безопасно.

Здесь спрятаться было проще. Я ненавидела то, что не могу быть уверенной в собственной безопасности и мне некуда бежать, если вдруг понадобится.

В этих землях было довольно прохладно. Ни жарко, ни холодно – неприятная середина между этими понятиями. Здешняя погода охладила меня, и я затосковала по успокаивающему, обжигающему теплу Сол. Если честно, я скучала по дому.

Возможно, из-за серости вокруг. Мрачности, как сказал Келум. Он был прав, но в то же время ошибался. Здесь пряталось нечто большее, чем мрачность. В каком-то смысле меланхолия, но с примесью чего-то еще.

Я прогуливалась по унылым садам, полным растений, которые когда-то цвели. Проходя по берегу тусклой серой реки, я с любопытством наблюдала, как с каждым моим шагом грязно-коричневые лягушки спешили прыгнуть в поток.

Кое-что пришло мне в голову, когда я добралась до корабля люминанцев. Мое первое впечатление о Келуме было приятным. Я застонала. «Приятный» было слишком мягким термином. Сегодня я была не в состоянии подобрать правильные слова.

Когда мы впервые встретились взглядами, – это было подобно тому, как огонь встречается со льдом. Первоначальное замешательство длилось всего секунду, прежде чем он, казалось, узнал что-то, спрятанное глубоко во мне. Что-то, что видно только тому, кто действительно смотрит, что-то, что я обычно надежно скрывала, но по какой-то причине открыла ему. Келум увидел меня.

Нур.

Не одну из Атен. Не третью дочь Атона.

Не воровку. Не лгунью. Или кого-то похуже.

Кажется, и я увидела его настоящего.

Келума.

Не Люмина.

Доброго и заботливого парня.

Впечатление, которое у меня сложилось во время завтрака, только все усложняло. Келум был добрым, веселым и очаровательным. Он искренне заботился о своем народе. Часть меня желала, чтобы он не был таким хорошим. Хотелось бы мне, чтобы он был жестоким, таким же серьезным и печальным, как сумеречные земли. Мне хотелось, чтобы он был отталкивающим и некрасивым.

Потому что иначе мой план лишит его доброты, сотрет его смех и убьет его очарование. Если мне и правда удастся сблизиться с ним, я предам его доверие. Это равносильно тому, как если стрела попадет ему в сердце и в то же самое время кинжал вонзится ему в спину. Я причиню Келуму боль, и если подойду слишком близко, то причиню боль и себе.

Но речь шла не только обо мне и Келуме. Я делала это ради Гелиоса. Ради Сол. Ради меня.

Это того стоило.

10

Я все еще бродила по берегу реки, когда Киран нашел меня.

- Атена, - поприветствовал он.

Мое сердце дрогнуло. Он был один. Казалось, за нами никто не наблюдал. Безопасно ли разговаривать с ним?

- Что ты здесь делаешь? - прошипела я.

- Ищу тебя. Кажется, ты пропала.

- Очевидно, это не так.

Уголки его губ чуть приподнялись.

- Я провожу тебя в твою комнату. Вада там. Наполняет для тебя ванну. - Он махнул рукой в сторону Дома Сумерек. При виде серого камня я не смогла подавить вырвавшийся вздох.

- Тебе не нравятся сумеречные земли? - спросил Киран, пока мы шли.

Я окинула взглядом ближайшие окрестности и не заметила, чтобы кто-то за нами следил. Однако если Кирана послали меня найти, другие, скорее всего, тоже искали.

- Они серые и такие угрюмые, что сложно испытывать хоть какие-то светлые чувства.

- Ты скучаешь по Сол, - прохрипел он.

- Трудно быть так далеко от нее.

Мне стало стыдно за свое эгоистичное поведение. Киран и Сарик были жрецами богини солнца. Она выбрала их, но они также должны были выбрать ее. Жрецы либо принимали ее призыв и отказывались от своего имущества и мечтаний, чтобы посвятить себя Сол, либо отвергали приглашение, чтобы построить свою жизнь без подобных ограничений.

Киран сам решил стать жрецом. Он бросил свою семью, когда они нуждались в его помощи на своих полях. Ушел от них в храм, где присоединился к новой семье - таинственному братству. Он любил выбранную им жизнь, потому что любил Сол.

– Что ты думаешь о Люмине? – Киран задал этот вопрос будничным тоном, но то, как он наблюдал за мной краем глаза, заставило задуматься, насколько важен для него ответ.

Я пожала плечами:

– Он кажется милым.

– И это все? – уточнил Киран.

– Он внимательный, умный, привлекательный... Но я провела с ним всего несколько минут. Мы оба знаем, что этого недостаточно, чтобы сформировать истинное мнение о ком-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мизмара – духовой музыкальный инструмент.

----

Купить: [https://telnovel.me/ru/bond\\_keysi-l/dom-zatmeniy](https://telnovel.me/ru/bond_keysi-l/dom-zatmeniy)

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)